АСЯ ПЛОШКИНА
ДЕВОЧКА
ИЗ ЧЕРНОГО МРАМОРА
CLEVER
•ИЗДАТЕЛЬСТВО•

Ася Александровна Плошкина

Девочка из черного мрамора

Серия «Страшилки для подростков»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66925788
ООО «Клевер-Медиа-Групп»;
ISBN 9785002527434

Аннотация

Что таит закрытая школа? Леденящая душу история о страшном преступлении с непредсказуемым финалом – идеально для подростков, любящих страшилки и жанр ужасов!

«Девочка из черного мрамора» – история о страшных тайнах закрытой школы и чужих амбициях, которые приводят к жутким последствиям.

Балтийское море, живописный парк и закрытая школа в мрачном особняке – идеальное место для четырнадцатилетней Тамары, чтобы после череды неудач начать новую жизнь. Однако в первый же вечер, спустившись в подвал, девушка случайно разбудила темные секреты прошлого.

С тех пор в коридорах Тамару преследует тень с черными крыльями, острыми когтями и горящими глазами, а по ночам ей мерещатся чьи-то шаги, шорохи и всхлипы. Сможет ли она доказать учителям и новым друзьям, что в особняке происходят жуткие вещи?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	46
Глава 5	53
Глава 6	69
Глава 7	77
Глава 8	84
Глава 9	95
Глава 10	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ася Плошкина
Девочка из черного мрамора

© Ася Плошкина, 2025
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Глава 1
Дом у воды

Машина неторопливо катилась по однополосной дороге, усаженной с обеих сторон высоченными тополями. Тамара прижалась лбом к прохладному стеклу и пыталась сосчитать выкрашенные белой краской стволы деревьев. Двадцать шесть, двадцать семь…

> Hope is a dangerous thing for a woman
> like me to have…

В наушниках в последний раз вздохнула Лана Дель Рей, потом трек переключился, и после короткого фортепианного вступления Тамариных слуховых рецепторов коснулся вкрадчивый бархатный голос Марко Сааресто из Poets of the Fall:

> On your palm an endless wonder…

Тридцать восемь, тридцать девять, сорок… Марко не успел допеть до *«What does tomorrow want from me?»:* мама обернулась с переднего сиденья, махала ладонью у Тамары перед лицом и, судя по тому, как шевелились накрашенные розовой помадой губы, снова и снова называла ее имя. При-

шлось нажать на паузу и вытащить один наушник.

– …Тома! Все, теперь слышишь меня? Мы почти приехали.

– Восхитительно.

– Не слышу энтузиазма. Давай ты хотя бы немножко взбодришься! Нет поводов для такого мрачного настроения!

– Для радости тоже нет.

– Ну как… Новая школа, в таком красивом уединенном месте, море рядом – все как ты любишь. Новые одноклассники…

Тамара фыркнула.

– Да, знаю, коммуникация – не твоя сильная сторона. Но с этими детьми у тебя должно быть много общего…

– Хочешь сказать, они такие же ущербные?

В салоне повисла пауза. Мамино лицо вытянулось, и Тамара, не выдержав ее увлажнившегося взгляда, снова уставилась в окно. Тополя закончились, и теперь на дорогу наступали низкие деревца и кустарники. Поначалу сквозь листву проглядывали редкие покосившиеся деревянные домики, а потом они остались позади, и густо-зеленая, с желтыми вкраплениями стена стала казаться непроницаемой. Из тяжелых неповоротливых облаков на стекло упало несколько капель.

– Тамара, я тебя очень прошу… – Мамин голос немного дрожал. – Ты только в школе, пожалуйста, такое никому не говори…

– Я что, идиотка, по-твоему?

Тамара подумала, что доля истины в маминых словах вообще-то есть. От волнения, если вокруг нее много людей, она еще и не то могла брякнуть. В последней школе – той, откуда ее выставили за «полное пренебрежение учебными обязанностями», – она в первый же день громко похвалила старосту за то, как хорошо той удалось замазать тональником прыщи. И ведь ничего плохого не хотела, восхищалась совершенно искренне, так как сама с косметикой обращаться не умела.

– Тамара! – рыкнул папа, на секунду оторвав взгляд от дороги. – Не хами, пожалуйста. Все то же самое можно сказать спокойно, уважительно и экологично, без вот этого твоего яда…

Тамара почувствовала, как глаза сами собой закатываются к потолку машины.

– Тем более что никакая ты не ущербная, – подхватила мама. – Ты замечательная. Просто поведение у тебя трудное. И немного не хватает эмпатии. Но в этой школе…

– «Мастерской», – вклинился папа.

– Да. В «Мастерской» тебе должны помочь усмирить внутренний конфликт и раскрыть твой огромный – а я уверена, что он именно такой, – потенциал…

«А самое главное, что вы на ближайшие пару месяцев от меня отстанете. И скучать я не буду, вот ни капли». Но вслух она, конечно, ничего подобного не сказала.

– Через триста метров поверните направо, – вмешался в

разговор бесстрастный голос навигатора.

Папа крутанул руль, машина нырнула в арку из деревьев и, подскакивая, покатилась по грунтовке. Тамара стукнулась лбом о стекло и ойкнула.

– Потерпите, – бросил папа. – Сейчас, сейчас, кажется, уже близко.

Дорога петляла между полем и лесом, потом снова сделала крутой поворот, на этот раз влево, и колеса захрустели по гравию. Еще через полминуты показалась высокая кованая ограда с распахнутыми воротами и примостившейся возле них будкой охраны. Папа показал документы, и ему разрешили проехать внутрь.

– Ничего себе как красиво! Тамара, ты только посмотри! – вскрикнула мама.

Тамара и сама готова была закричать от восторга, но сдержалась. Деревья расступились и показали небольшое безмятежно зеркальное озеро, в котором отражалось сизое небо, окруженное каемкой кустарников, и особняк из розоватого кирпича. Тамара подняла глаза с отражения на оригинал, утопающий в густой зелени. Три этажа, арочные окна, эркеры с коваными балкончиками, увитыми плющом, у входа – две колонны с лепниной в виде кленовых листьев. Тяжелые насупленные тучи на минуту расступились, несколько солнечных лучей лизнули фасад и отскочили от зеркальной поверхности озера, напуская на пейзаж золотистую дымку. Казалось, будто они хотят показать школу в лучшем виде – что-

бы новым обитателям она сразу понравилась.

– Даже лучше, чем на фотографии. – Папа сбавил скорость и направил машину в сторону небольшой парковки чуть поодаль от здания.

Тамара вспомнила стильную презентацию: «потрясающие пейзажи», «собственный охраняемый парк в 20 минутах езды от Балтийского моря», «инновационная методика», «бережное раскрытие талантов», «работа с внутренними конфликтами». На снимках школа выглядела роскошно, но в жизни… Тамара едва дождалась, пока папа найдет место рядом с другими автомобилями, выскочила на хрустящий гравий и приставила к глазам ладонь, чтобы рассмотреть купающееся в солнечных лучах здание. Просто волшебно!

– Рада, что тебе нравится. – Мама, оказавшись рядом, подняла телефон и сделала несколько снимков.

Тамара тихонько фыркнула, представив, как она заливает их в соцсети: оцените, мол, какую шикарную школу мы нашли для Томочки. И между строк: вообразите, сколько денег это все стоит, завидуйте нам, посмотрите, какая я прекрасная мать.

Прихватив два чемодана и рюкзак, они двинулись вдоль берега к школе, рядом с которой уже собралась небольшая разношерстная толпа. Нескольким детям на вид было не больше десяти – Тамара удивилась, что родители готовы оставить их здесь одних на несколько месяцев. Чуть дальше стояли две девочки и один мальчик постарше. А возле вхо-

да – три Тамарины ровесницы. На несколько мгновений она встретилась взглядом с высокой, худенькой и очень красивой девочкой с длинными глянцево-гладкими русыми волосами. Та осмотрела Тамару с ног до головы, кивнула, приподняв один уголок губ, и, дождавшись ответного смущенного кивка, повернулась к своим родителям. Тамара поняла, что от волнения по привычке теребит разноцветные нитчатые браслеты на запястье, и тут же одернула себя.

– Иди сюда, – позвала мама, которая уже закончила фотографировать здание, пруд и подъездную дорожку и теперь включила фронтальную камеру. – Ну что за лицо? Улыбнись!

Тамара выдавила из себя улыбку, мама сделала фото, но осталась недовольной. Попыталась пригладить Тамарины волосы – темно-русые, вечно растрепанные, с выцветающей синей краской на кончиках.

– Хочешь, расческу дам?

– Мам, ну оставь. И так нормально.

На крыльце появилась молодая женщина, одетая в белую блузку и строгую серую юбку-карандаш.

– Всем добрый день! – объявила она, дождавшись, пока все затихнут. – Рады приветствовать вас в «Мастерской дизайна личности». Меня зовут Марина, я администратор – в течение учебного года буду помогать нашим подопечным со всеми организационными моментами. Сейчас, пожалуйста, проходите в холл, я покажу вам спальни и отвечу на вопро-

сы. До ужина у вас будет время, чтобы попрощаться с родителями и разобрать вещи.

Родители подхватили сумки и чемоданы, и толпа потекла к крыльцу. Тамара скользнула взглядом по зданию «Мастерской» (ну и название выдумали!). Время оставило щербинки на темно-розовом кирпиче, изрисовало трещинами колонны, потрепало барельефы. Но именно эти отметины делали здание таким притягательным и заставили Тамару влюбиться в него с первого взгляда. Казалось, что оно живое, что у него есть душа и за его торжественным фасадом много лет скрываются тайны, которые ужас как интересно будет разгадывать.

«Может, все не так уж и плохо?» Взгляд Тамары нырнул в маленькое зарешеченное подвальное окошко. Оттуда смотрела темнота – густая, настороженная, будто одушевленная. Окошки тянулись вдоль всего цоколя, и Тамара задумалась, для чего нужен такой большой подвал. Кто спускался туда, что там могли хранить… или прятать?

Вслед за папой и чемоданами Тамара вошла в большой светлый холл и замерла, рассматривая мозаичный мраморный пол, пейзажи на нежно-розовых стенах, лепнину на высоченном потолке и винтовую лестницу из темного лакированного дерева. Возле нижней ступеньки стояла Марина и, не снимая с накрашенного лица широкой приветливой улыбки, здоровалась с каждой семьей. Потом быстро проглядывала списки, которые держала в руках, ставила галочки, на-

зывала номер комнаты и объясняла, как туда пройти.

– Точно не хочешь, чтобы у тебя была соседка? – уточнила мама.

– Нет, конечно. А вдруг она будет меня бесить?

– Ох, Тома…

– Здравствуйте! – пропела Марина, продолжая улыбаться. – И добро пожаловать. Кто это к нам приехал? Как тебя зовут?

– Тамара. Колокольцева, – сообщила Тамара, поправляя рюкзак на плече. Улыбкой она администратора не удостоила: пусть в следующий раз обойдется без глупых детских сюсюканий.

– Рада знакомству, Тамара Колокольцева. – Марина, ничуть не смутившись, поставила галочку в списке. – Ты будешь жить в восемнадцатой спальне. Это на третьем этаже. Нужно подняться сейчас по лестнице, повернуть направо и идти по коридору почти до самого конца.

– Спасибо, – хором ответили папа и мама.

– Пожалуйста. После того как устроитесь, родителей жду здесь, на первом этаже, чтобы заполнить документы и сверить информацию. Тамаре ведь еще нет пятнадцати?

– Нет.

– Студентам младше пятнадцати можно гулять только по территории «Мастерской». Если хотите, чтобы она могла ездить на пляж или в Зеленоградск в сопровождении кого-нибудь из сотрудников, я попрошу вас написать разрешение.

– Хорошо, – кивнул папа, – этот момент мы обсудим.

– Отлично, дайте мне знать. – Марина повернулась к следующей семье. – Здравствуйте…

– Пап, – начала Тамара, ступая вслед за родителями на лестницу. – Вы же подпишете разрешение?

– Давай поднимемся и поговорим.

– Я тут в четырех стенах с ума сойду.

– Всем бы такие четыре стены, – фыркнула мама, которая все так же не выпускала из рук смартфон, но теперь фотографировала холл. – Трехэтажный особняк, парк, пруд…

– Но хотя бы на море-то надо попасть? Иначе какой вообще был смысл так далеко уезжать? Можно было и в Подмосковье остаться…

Тамара запнулась. Ее взгляд перепрыгнул через перила, соскользнул вниз и коснулся крыла. Большого, устремленного вверх крыла, которое принадлежало худенькой девушке с красивым, почти ангельским лицом и длинными волосами, закрывающими обнаженные плечи и грудь. Крылатая девушка пряталась в глубине холла – так, что прохладный свет из окон ее почти не касался. Только сделана она была… из черного мрамора. Еще пару мгновений ошеломленная Тамара разглядывала детально вырезанные перья в ее распростертых крыльях, струящиеся вниз пряди волос, длинные пальцы на застывших в воздухе тонких руках. Ну надо же… Почти как живая.

– Тома!

Нога зацепилась за верхнюю ступеньку, еще секунда – и родителям придется везти ее в ближайшую стоматологию. Тамара взмахнула руками, попыталась схватиться за перила, но промахнулась. Родители были на несколько шагов впереди, и Тамара непременно упала бы, если бы чья-то рука не схватила ее за локоть.

– Осторожнее!

Тамара подняла глаза, убрала с лица растрепанные волосы и увидела незнакомую девочку с рыжими кудрями и доброй улыбкой.

– Спасибо.

Мысленно Тамара уже вовсю проклинала свою неуклюжесть. Споткнуться на лестнице – это вообще обычное дело, хорошо, что она на ровном месте не растянулась, а ведь могла. В последней школе учитель физкультуры половину нормативов проставлял ей просто так, не требуя, чтобы она их сдавала: знал, что это может плохо закончиться. А на ритмику Тамаре через пару месяцев мучений вообще разрешили не ходить – всем, включая ее саму, было понятно, что она безнадежна.

– Не за что. Полина, можно Поля. – Новая знакомая приподняла ладонь в знак приветствия.

– Тамара.

– Ты тоже в восьмом?

– Да! – закивала Тамара. – И ты?

– Угу. А комната у тебя на каком этаже?

– На третьем. А у тебя?

– И у меня! А ты… Ой!

Кто-то больно пихнул Тамару в плечо. Поля тоже чуть не отлетела в сторону.

– И я! И у меня! – передразнил высокий светловолосый парень с рюкзаком на плечах и большой спортивной сумкой в руке. – Может, вы в другом месте пообщаетесь, а? Подняться можно?

Даже не обернувшись, он размашисто зашагал от них по коридору второго этажа.

– Эй! – возмутилась Тамара.

– Поэйкай мне! – бросил парень через плечо. – Блин, только трепаться и можете.

Прежде чем негодующая Тамара набрала в грудь воздуха, чтобы ответить, незнакомец уже скрылся за дверью.

– Ничего себе! – Полина потерла ушибленное плечо. – Что это с ним?

– Придурок просто, – пожала плечами Тамара, надеясь, что слишком часто с этим парнем ей сталкиваться не придется.

Они поднялись на третий этаж, где их уже ждали родители, и разошлись по своим комнатам.

– По-моему, очень мило, – резюмировала мама, оглядев спальню. И сделала еще несколько снимков.

– Ничего, – нехотя согласилась Тамара.

Открыто признавать, что ей здесь все больше и больше

нравится, она не торопилась. Скинула белоснежные кроссовки, ступила на зеленый упругий ковер. Провела пальцем по белому письменному столу – совсем новому, еще пахнущему мебельным магазином, – скользнула взглядом по вишневым стенам, подняла глаза к потолку со встроенными светильниками.

Где-то в глубине души она надеялась, что увидит здесь диваны с гнутыми ножками, стол, обтянутый сукном, и кровать под балдахином – они бы куда больше соответствовали атмосфере здания. Но сдержанный минималистичный интерьер в духе скандинавских мебельных каталогов ее тоже вполне устраивал.

– Так что все-таки насчет разрешения? – Тамара отодвинула зеленую, в тон ковру, штору и выглянула в окно, из которого открывался вид на немного запущенный парк с узкими заросшими тропинками.

– Тома, ты же понимаешь. – Мама наконец убрала телефон. – После всего, что произошло в прошлой школе…

– Позапрошлой, – вставил папа.

– Да. После всего, что там произошло, мы очень боимся повторения. И если честно, совершенно не знаем, чего ожидать.

– Мам! – Тамара оторвалась от окна и поставила рюкзак на застеленную кремовым покрывалом кровать. – Оттого, что вы разрешите мне иногда ездить на пляж или в соседний городок, я не стану поджигать школу! Это даже нелогично, са-

ма подумай!

Родители переглянулись.

– И хочу напомнить, что я все-таки ничего не подожгла…

– Потому что тебя заметили.

– Все равно. Не подожгла же, – настаивала Тамара. – И сейчас не буду. Уже больше полугода прошло, почему вы все время мне это припоминаете?! Ведь я…

– Нам будет спокойнее, если ты будешь под постоянным присмотром, – произнесла мама.

– Но я и так под ним буду! Вы ведь слышали, что сказала эта… как ее там. Что за территорию можно уйти только с кем-то из сотрудников. Если всем можно будет, а мне одной нет, я буду выглядеть полной идиоткой!

Мама с папой снова переглянулись, словно обмениваясь каким-то молчаливым посланием.

– Хорошо, – выдохнул наконец папа. – Но не забывай, что разрешение можно в любой момент отменить. Если мы узнаем…

– Спасибо-спасибо! – Тамара потрясла сжатыми в кулак руками. – Никаких поджогов, обещаю. И вообще ничего противозаконного.

– Очень надеюсь, – серьезно кивнул папа.

Тамара, довольная маленькой победой, плюхнулась на кровать, расстегнула молнию рюкзака, вытащила макбук, планшет, электронную читалку, которой почти не пользовалась, большую косметичку и положила все это на прикроват-

ную тумбочку.

– Это все нитки? Для браслетов? – Мама бросила на косметичку неодобрительный взгляд.

– Угу. – Следом Тамара достала блокнот, ручку, два зарядных устройства и другие мелочи.

– Думаешь, будет на это время? – Мама расстегнула молнию, посмотрела на десятки разноцветных моточков. – Здесь же столько разных уроков и дополнительных занятий, и…

– Мам…

– Я просто не хочу, чтобы ты зря тратила время, если можно…

– Зря? – ощерилась Тамара.

– Давайте не будем ссориться, – вмешался папа. – У нас самолет через четыре часа, а нам еще бумажки заполнять.

Мама кивнула, поцеловала Тамару в щеку. Потом нахмурилась и поцеловала еще и в лоб.

– Кажется, ты горячая. У тебя, случайно, не температура, нет? – Она подняла руку, чтобы отточенным жестом ощупать Тамарин лоб и шею, но та отстранилась.

Чувствовала она себя и правда не очень: с утра заболело горло, а сейчас на голову будто начала наваливаться горячая мокрая вата. Но если признаться в этом маме, она устроит целый спектакль. Не хватало еще, чтобы в первый же день ее на глазах у всех забрали в какое-нибудь больничное крыло, или что у них тут.

– Нет, все ок. Просто душно, я потом проветрю…

– Точно? – Мама явно сомневалась.

– Здесь должна постоянно дежурить медсестра, – вклинился папа. – Может, сходим?

– Говорю же, все в порядке! Но если вдруг заболею, обязательно схожу.

– Обещаешь?

Тамара закивала.

– Ну смотри. Будем звонить каждый вечер. По видеосвязи. Бери, пожалуйста, трубку, хорошо?

– Контролируете меня, значит?

– Не без этого, – не стала возражать мама. – Но вообще мы просто будем скучать. Если что-то случится, обязательно говори!

«Если ты опять не сможешь ни с кем поладить», – услышала Тамара в этих словах. И вздохнула.

– Ты точно не против здесь остаться? – Мама вдруг повела плечами, словно в комнату прокрался сквозняк, и тревожно огляделась. – Справишься сама?

– Ну говорила же уже, что да!

– Долгие проводы – лишние слезы, – объявил папа.

Они с мамой еще немного потоптались у порога, в пятый раз за сегодня удостоверились, что Тамара не забыла зарядку от телефона, банковскую карту и теплые вещи, и наконец ушли.

Глава 2
Все не так уж плохо

Минут через двадцать Тамара наблюдала из окна, как машина, которую они арендовали, катится по подъездной дорожке к воротам, а потом исчезает среди деревьев. Она много раз представляла себе этот момент. Вот дверь за родителями закрывается, и она с победным кличем «Свобода!» падает на кровать. А потом вовсю наслаждается этой самой свободой. Как она будет это делать, Тамара пока не знала. Зато знала, что в ее жизни хотя бы несколько месяцев не будет тяжелых вздохов, обеспокоенных взглядов и перебивающих друг друга шепотков за закрытой дверью.

«Сереж, я совершенно не понимаю, что с ней делать… Почему она такая? Мы же стараемся для нее…» – «Ну вот такая. Ей просто нужен индивидуальный подход. Поищем школу, в которой он будет».

Тамара открыла чемоданы, начала раскладывать вещи и почти тут же бросила это дело. Заоконный мир уже наполнялся сумерками. В коридорах смолкли шаги, смех и голоса. Можно было спуститься в холл и познакомиться с остальными. Интересно, сколько их? Она наклонилась, чтобы надеть кроссовки. В буклете говорилось про мини-классы в 5–6 человек. То есть помимо нее и Поли должно быть еще трое

учеников. Наверное, та девочка с длинными волосами. Выглядела она довольно высокомерной. А кто еще? Только бы не парень, который толкнул ее на лестнице…

В дверь осторожно постучали. Тамара вскинула голову.

– Это Поля. Зовут на ужин и знакомство. Я подумала, может, вместе пойдем?

В подтверждение ее слов по коридорам растеклась ненавязчивая нежная мелодия. Тамара даже не сразу догадалась, что это школьный звонок. Она поднялась, бросила быстрый взгляд на висевшее на стене зеркало, сняла со свободного черного платья белую нитку и распахнула дверь.

– Привет! Да, пойдем, конечно…

– Я тебе не помешала? У тебя все хорошо? – Полина немного смутилась.

– Все в порядке. А что?

– Ты как будто запыхавшаяся. Фитнес? Сразу после приезда? – Она улыбнулась.

Тамара еще раз глянула на свое отражение. Щеки и правда заметно порозовели. Неужели все-таки температура? Только не это.

– Ну уж нет. – Чтобы спрятать смущение, она наклонилась завязать шнурки. – Какой фитнес, я даже чемоданы еще не разобрала. Пойдем.

С Полиной ей было немного спокойнее. Вдвоем они спустились на первый этаж, почти сразу услышали гвалт и, догадавшись, что он идет из столовой, направились туда.

Здесь, в отличие от спален, удалось сохранить – или сымитировать – первоначальный декор. Тамара опустилась на свободное место за одним из двух длинных столов и быстро оглядела зеленые обои в цветочек, темные деревянные панели, красивый паркет и лепнину на потолке. Чистый восторг. Было бы здорово, если бы и у нее в комнате был такой потолок, с выпуклыми листьями, веточками и цветами, – а он там совершенно обычный, ровный. Кажется, натяжной.

Полине досталось место напротив. А вот рядом оказалась та самая девушка с длинными волосами – про себя Тамара уже окрестила ее «мисс мира». Волосы лежали у нее на спине мерцающим атласным полотном. В отличие от Тамары и Полины, одетых вполне буднично, она нарядилась в темную плиссированную юбку выше колен и белую блузку с пышным синим бантом-галстуком. «Прямо девочка-отличница из американского сериала про подростков», – усмехнулась про себя Тамара.

Но тут «мисс мира» повернулась к ней, прошлась быстрым взглядом по растрепанным волосам с синими кончиками, пылающим щекам, платью оверсайз. Когда она заметила браслеты на Тамарином запястье – штук пять или шесть пестрых полосок, некоторые уже ощутимо потрепанные, – уголок ее красивых пухлых губ пополз вверх.

Тамара едва удержалась от того, чтобы спрятать руки под стол. В голове зазвучал издевательский голос Вики, «звезды» ее «творческого» лицейского класса: «Это что? Фенеч-

ки? Угораешь по девяностым или как?» Ничего плохого ни в фенечках, ни в том, чтобы угорать по девяностым, не было, но почти все почему-то засмеялись. И этот маленький эпизод сразу же задал тон, который окрасил все семь месяцев, что Тамара провела в лицее.

– Необычно, – улыбнулась «мисс мира». – Я такие видела на какой-то фешен-съемке, кажется в стиле бохо.

Тамара попыталась расслышать в ее голосе насмешку, но ничего такого не было. И улыбалась «мисс мира» тоже совершенно искренне, беззлобно.

– Спасибо. – Тамара потеребила браслет с рисунком в виде воздушных шаров и облаков. – Мне тоже нравятся.

– Ты сама плетешь? – Из-за плеча «мисс мира» показалась еще одна девочка, с буйными кудряшками, собранными в высокий пышный хвост.

– Угу.

– Здорово! Я бы не смогла, у меня руки из одного места, – хохотнула кудрявая.

«Мисс мира» ее поддержала, и Полина тоже. Тамарины щеки растянулись в глупой смущенной улыбке.

– Как вас зовут? – спросила «мисс мира». – Меня Лера.

– А я Нина, – подхватила кудрявая.

Тамара и Поля тоже представились. Завязался не особо содержательный и немного неловкий разговор: кто откуда приехал, кто где раньше учился, сколько кому лет. Всем четырем оказалось по четырнадцать, Тамару и Леру родители

привезли из Москвы, Полю из Петербурга, а Нина жила ближе всех – в Калининграде.

– Везет, – вздохнула Поля. – Пара часов – и ты дома.

– Ну, это как посмотреть. – Нина засмеялась. – К вам зато родители не будут каждую неделю приезжать, расспрашивать, что вы тут делаете и как учитесь.

– Зато звонить будут, – закатила глаза Тамара.

Остальные понимающе вздохнули. Все, кроме Леры.

– Я была бы не против, если бы мои мама с папой приезжали. Но папу сейчас опять по работе отправили за границу, на этот раз в Португалию, а мама поехала с ним. Поэтому я здесь. Чтобы образование не страдало из-за постоянных переездов.

Она произнесла все это с таким важным, даже немного чопорным видом, что никто не нашелся, что ответить.

В коридоре что-то загремело. Через минуту выяснилось, что это тележка с дымящейся едой. Две приветливые женщины в белых халатах и колпаках расставили на столах тарелки с рисом и форелью под сливочным соусом. Рядом появились корзинки с хлебом и чаши с овощным салатом. Стаканы наполнились морсом или минералкой.

– Всем добрый вечер.

Тамара обернулась. В дверях, сунув руки в карманы брюк, стоял мужчина чуть старше ее папы.

– Андрей Евгеньевич! – обрадовалась Марина. – А у нас как раз все в сборе.

– Отлично. – Мужчина улыбнулся широко и беззаботно, совершенно по-мальчишески. – Добро пожаловать в «Мастерскую дизайна личности»! Меня зовут Андрей Евгеньевич Озеров, я основатель и директор этого места. Хочу, чтобы вы сразу поняли: я на вашей стороне. – Он обвел столовую взглядом и ненадолго задержался на каждом лице.

Когда он дошел до Тамары, ей показалось, что его улыбка с ямочками на щеках адресована лично ей, и на душе стало теплее.

– Я не буду вызывать вас, как говорят, на ковер, не буду жаловаться вашим родителям на всякие глупости вроде несделанной домашки или плохо написанной контрольной. Это малодушный и устаревший подход. Зато если вас что-то беспокоит или вы просто хотите поговорить – приходите. Мой кабинет на втором этаже в правом крыле. Договорились?

– Да! – нестройно ответили несколько голосов.

Остальные предпочли отмолчаться, особенно старший стол, но по улыбкам было понятно, что директор всем понравился.

– Великолепно, – резюмировал Озеров. – Тем более что домашек и контрольных у нас тут нет. Ну почти. А теперь приятного аппетита. С младшими я прощаюсь до завтра, а со старшими мы сегодня еще увидимся. Думаю, нам всем стоит получше друг друга узнать. Я подготовил кое-что интересное.

Он подмигнул старшему столу. Потом развернулся и зашагал прочь по коридору, не вынимая рук из карманов и беспечно насвистывая какую-то мелодию.

– По-моему, ничего такой, – заметила Нина, отодвигая тарелку. – Интересно, что сегодня будет?

Глава 3
Сказка на ночь

После ужина седьмой и восьмой классы собрались в большой гостиной на втором этаже. Кремовые ковры, зеленые шторы, темный паркет, пейзажи на стенах и незажженный камин из белого мрамора. Тамара опустилась рядом с Полей на мягкий нежно-розовый диван и принялась перебирать браслеты на запястье.

Деревья за окном утонули в сгущающихся сумерках. О стекло легонько ударялись редкие капли – дождю не хватало сил, чтобы забарабанить как следует, и получался только чахлый и влажный «шлеп». В гостиной горел свет – приглушенный, желтоватый. Вместе с дождем и сумерками он ткал какую-то особую атмосферу – бархатную, пряную, согревающую. Как любимый Тамарин чай со специями. «Для того чтобы почувствовать что-то хорошее, – подумала она, – нужен контраст. Например, уют в разы уютнее, если за окном вечер и дождь, а не ясный солнечный день».

Появилась Марина и раздала всем блокноты и ручки – на случай если «Андрей Евгеньевич сообщит важную информацию, которую нужно будет записать». Наконец вошел Озеров. Дождался, пока все затихнут, провел пальцами по темным, с проседью волосам. В уголках его ореховых глаз со-

брались, намекая на улыбку, тонкие морщинки.

– Всем привет! Еще раз. Скажу сразу. Сначала я хотел попросить каждого из вас рассказать немного о себе: откуда вы приехали, что любите делать, о чем мечтаете, что вас больше всего бесит. Но потом, – поднял он ладони, останавливая волну испуганных шепотков, – я подумал: зачем? Никто не любит эту принудиловку. Это всегда так неловко… И просто отвратительно формально. Пустые высушенные слова, и ничего больше. Так друг друга не узнать. Согласны?

В ответ он услышал одобрительное гудение. Никому не хотелось вставать перед всеми и рассказывать о себе. Тем более, подозревала Тамара, большинству здесь, как и ей, нечем было похвастаться.

– Поэтому я решил, – продолжал Озеров, – что мы просто проведем вместе приятный вечер. И, чтобы нам не было скучно, предлагаю немного поиграть. – Он шагнул к стеллажу, притаившемуся возле двери, и вытащил оттуда ярко-голубую картонную коробку.

Сначала играли в какую-то совсем детскую «ходилку» с кубиком. Фигурок на всех не хватило – их в комплекте было только пять, – поэтому использовали скрепки, бумажки и скатанные из пластилина шарики. Потом в ход пошел «сломанный телефон». Каждый изображал слово в виде рисунка, и остальные должны были угадать, что имелось в виду.

Тамаре досталось слово «одиночество». Она немного подумала и, сама не понимая почему, набросала на листе пе-

ро. Черное. Ручки ведь им раздали черные, поэтому и перо вышло именно такое. Получилось криво и совсем по-детски: рисовать Тамара была не мастерица. Поэтому она поспешила передать блокнот дальше. Вскоре выяснилось, что никто Тамарино слово не отгадал. Под рисунком значились варианты: легкость, птица, воздух, небо, писатель.

– А на самом деле… – Озеров заглянул в карточку. – Это было одиночество. Хм… Интересная ассоциация. Тамара, не расскажешь, почему ты выбрала именно такой образ?

– Я… – Она почувствовала, как в нее уперлись десять любопытных выжидающих взглядов. – Я подумала…

В голове стало совсем жарко. Пока шла игра, она отвлеклась и перестала замечать, что дышится ей тяжелее, а горло саднит от каждого сказанного слова. А теперь поняла, что и правда заболевает. Мысли едва ворочались, Тамара никак не могла нащупать ответ на вопрос Озерова. Когда она рисовала, у нее была какая-то идея. Какая-то связь между одиночеством и пером. А теперь она пропала.

– Может быть, ты хотела показать, что одинокий человек – как перо, которое выпало из птичьего крыла и осталось лежать где-нибудь в траве? – предложил Озеров. – Или что перо – это созидание и творчество: рисование, писательство? А творческий человек всегда одинок?

– Скорее второе, – пробормотала в ответ Тамара.

– Глубоко, – кивнул Озеров. Потом похлопал себя по карманам твидового пиджака и вытащил небольшую коробочку

с надписью «Сказка за сказкой». – Вижу, что мы уже комфортнее себя друг с другом чувствуем. Поэтому предлагаю напоследок посочинять истории. Что скажете?

Несколько человек переглянулись. Атмосфера в гостиной за последний час и правда стала совсем непринужденной. Семиклашки невероятным образом успели сдружиться и постоянно хихикали над какими-то свежепридуманными шутками. Полина, Нина и Лера, словно желая показаться на их фоне взрослыми, вели себя более сдержанно, но, судя по всему, тоже чувствовали себя вполне расслабленно.

Тамара понимала, что ей неплохо бы пойти к медсестре или хотя бы подняться в свою комнату, выпить таблетку парацетамола и лечь спать. Но ей не хотелось уходить именно сейчас: вдруг она пропустит что-то важное и навсегда останется за каким-то невидимым бортом? Потом все будут подкалывать друг друга: «А помнишь, когда мы придумывали сказку, ты сказала…» А ей придется молча улыбаться и кивать, потому что она в этот момент дрыхла у себя под одеялом.

Ну уж нет. Можно и потерпеть еще полчасика. Потом она попросит на кухне горячего чаю – может, у них и специи найдутся? – и ляжет в кровать. А если наутро не станет легче, отправится к медсестре.

– Условия… – начал Озеров.

В этот момент на пол легла длинная тень, а вслед за ней порог переступил парень в темном худи. Тот самый парень,

которого Тамаре так не хотелось видеть.

– Здравствуй, Артем, – улыбнулся директор. – Ты все-таки решил к нам присоединиться. Чем ты был занят?

Парень упал в ближайшее к двери кресло, развалился там, положив ногу на ногу, и достал из кармана худи смартфон.

– На велике гонял, – бросил он, прилепив взгляд к экрану.

– Мы собираемся рассказывать истории. Не хочешь поучаствовать?

Артем, не поднимая глаз, воткнул в ухо беспроводной наушник. Тамара выжидающе посмотрела на Озерова, даже дыхание задержала.

– Ну что ж… – Директор остался совершенно невозмутимым, словно в поведении Артема ничего из ряда вон выходящего не было. – То, что ты пришел, – уже большой шаг. Рад тебя видеть. Если захочешь присоединиться – пожалуйста.

По комнате прошелестел выдох – одновременно и разочарованный, и восторженный. Разочарованный – потому что не случилось скандала. И восторженный – из-за того, как непринужденно директор погасил провокацию. Тамара вспомнила свои прежние школы – все три, – где на Артема уже накричали бы или выставили бы его за дверь. Она бросила взгляд на парня: тот все так же сидел, уставившись в телефон, но, судя по тому, как агрессивно он водил пальцем по экрану, наслаждения выходка ему уже не доставляла.

– Условия простые. – Озеров уже тасовал в руках коло-

ду карточек, на которых мелькали самые разные иллюстрации и надписи. – Я начинаю сюжет. Потом каждый из вас берет карточку, смотрит, что там написано, и придумывает свое событие. Так мы все вместе расскажем историю. По цепочке. Интересно посмотреть, что у нас получится. Итак… – Он вытащил первую карточку и показал ее ученикам – «Переезд». Под этим словом была нарисована девушка в пышном платье, сидящая на горе чемоданов возле большого дома. – Что ж, неплохо. Так, дайте подумать… – Озеров поднял глаза к потолку, постучал пальцами по подлокотнику дивана. – Ну что ж. У одной девочки… Назовем ее Ника. У Ники однажды умерла прабабушка. И она оставила в наследство большой дом на краю леса. Родители Ники подумали, что переехать подальше от города, на природу, будет неплохой идеей, хотя бы на время. И вот, когда начались каникулы, они собрали вещи и отправились в новый дом. Оказалось, что дом высокий, старый и мрачный, а рядом с ним на много километров больше ничего нет. Кроме лесов и болот. Так… Следующая карточка… «Находка». Кто продолжит? – Озеров оглядел своих подопечных. – Что, если ты, Нина?

– Э-э… ну… – Нина поерзала на диване, беспокойно оглядываясь. Заправила за ухо прядь-пружинку. – Находка, да?

Озеров кивнул.

– Я никогда в такое не играла. – Нина развела руками. – Не знаю даже, что придумать.

– Все-таки попробуй, – подбодрил ее Озеров. – Рассказы-

вай первое, что в голову придет. Постарайся довериться своей интуиции. Поймай поток. Это не соревнование, и оценок здесь никто не ставит. Мы такие глупости не практикуем.

– Хорошо. – Нина неуверенно кивнула, задумалась и вдруг выпалила, словно внутри нее порвался мешок с идеями и словами: – Дом был старый и как будто живой. Нике иногда казалось, что он хочет ей что-то сказать. Родители говорили, что она выдумывает и это просто поскрипывают старые перекрытия или ветер шумит в стенах. Как-то ночью Ника встала с постели и пошла куда-то на ощупь, сама не понимая, куда идет. Дом словно звал ее. И вот она обнаружила на первом этаже, за лестницей, дверь, которую никто не замечал. Ника открыла эту дверь и увидела лестницу, ведущую вниз.

Нина удивленно выдохнула, облизнула губы, словно сама не понимала, откуда взялась эта история. Она перевела вопросительный взгляд на Озерова: «Ну как? Нормально?»

– Очень интригующе! Хочется узнать, что будет дальше. – Он вытянул новую карточку. – «Освобождение». Чья очередь? Может, ты, Миша? – кивнул он темноволосому мальчишке из седьмого.

Тот явно занервничал, но после паузы все же заговорил:

– Ну, значит, Ника не удержалась и пошла по лестнице вниз. Было темно. И холодно. И страшно. Она хотела вернуться, но ее тянуло как магнитом. Ей казалось, что она идет уже очень долго, но лестница вдруг закончилась. Ника поня-

ла, что она в подвале. Но не в том подвале, куда они сложили свои ненужные вещи и поставили стиральную машинку, а в каком-то другом. Все было незнакомое. И тут она поняла, что в углу что-то слабо светится. Она пошла туда, нащупала деревянные полки с каким-то хламом. Среди этого мусора стояло… – Миша нахмурил брови и посмотрел в зашторенное сумерками окно, словно история летала где-то там. – Стояло что-то твердое и холодное. Ника поняла, что это банка, обычная, стеклянная, и она немного сияет. Она хотела узнать, что это, открыла крышку, и тут на нее подул сильный ветер, ее как будто толкнули, она потеряла равновесие и чуть не упала. Свет исчез.

– Становится все интереснее. – Озеров одобрительно кивнул. – Следующее событие у нас «Поиск». Ого! – Он хохотнул. – Карта прям идет сегодня. Лера, попробуешь?

Лера выпрямилась, как отличница, которая собралась ответить на вопрос учителя.

– Да! – с готовностью выпалила она. – Дальше… Дальше Ника с трудом выбралась из подвала, но когда она уже собиралась вернуться в свою комнату, то увидела за окном маленький огонек. Он летел… Летел в сторону леса. В самую чащу. И Ника пошла за ним. Разумеется, она не должна была так поступать, это опрометчиво и глупо. Но если она просто пойдет в комнату и ляжет спать, история не получится…

– Совершенно верно, – засмеялся Озеров. – Самые интересные истории рождаются благодаря чьей-то глупости и

безрассудности.

– Да. И вот Ника вошла в лес, сделала всего несколько шагов, и деревья за ее спиной сомкнулись.

– «Угроза», – громко зачитал директор название очередной карточки. – Тамара, теперь твоя очередь.

В ушах у Тамары загудело, к щекам хлынула кровь. В голове и так было будто в телевизоре, который включен на несуществующем канале и показывает одни помехи. Поэтому целую минуту или даже больше она молчала, рассматривая свои пальцы, вцепившиеся в подол платья. Когда молчание стало совсем невыносимым, Тамара затараторила первое, что пришло ей в голову, – все, как хотел Озеров.

– Вокруг запахло сыростью. Вдалеке послышался вой – может, волчий… непонятно чей. Рядом что-то хрустнуло. Ника закричала и побежала не разбирая дороги. Она бежала и бежала. Земля сначала была твердой, а потом становилась мягче и мягче. Ну и тут Тамара поняла, что как будто проваливается куда-то… Ой! – Тамара споткнулась на середине фразы, заметив взметнувшиеся вверх брови директора. – То есть, конечно, Ника. Ника поняла, что проваливается. Я заговорилась, простите.

Тамара вспыхнула: и почему она произнесла свое имя? Так глупо! Но слова словно появлялись у нее на языке сами, расталкивали друг друга, требовали, чтобы она их произнесла.

– Все в порядке, продолжай, – кивнул Озеров.

– И вот Ника, – надавила Тамара на это слово, – Ника попыталась выдернуть ногу, но не смогла. Ее затягивало все сильнее. Она вспомнила, что рядом с домом должны быть болота, но вспомнила слишком поздно. Ее тянуло все вниз и вниз…

Она перевела дыхание и быстро оглядела комнату. Все слушали, и слушали с явным интересом. Даже Артем поднял взгляд от экрана смартфона – ага, значит, в наушниках у него на самом деле тишина! – но, как только понял, что Тамара на него смотрит, уткнулся туда снова.

– Ничего себе! Для Ники дело приобретает опасный оборот, – присвистнул Озеров. – Дальше у нас… «Встреча». Кто попробует? Ксюша?

Светленькая девочка из седьмого кивнула и сложила руки на коленях.

– Ника тонула в болоте. Сначала ушла по щиколотку, потом по колено, потом вообще по пояс. Чем сильнее она барахталась и пыталась дотянуться до какой-нибудь кочки или ветки, тем быстрее тонула в вязкой холодной жиже. Когда она ушла туда по грудь и уже начала терять надежду, вокруг загорелись зеленоватые огоньки. Их становилось все больше и больше, некоторые вспыхивали совсем рядом. И они были как будто… живые! Они двигались, кружили вокруг Ники, ей показалось, что они на нее смотрят. Она даже подумала, что это могут быть светлячки. Но вот один из них подлетел совсем близко, и она увидела… что-то вроде лица!

– «Договор», – объявил Озеров, когда Ксюша закончила. – Максим?

– Та-а-ак. – Чуть полноватый мальчик рядом с Полей поправил очки, несколько раз сжал и разжал кулаки, собираясь с мыслями. – Потом это лицо стало двигаться, губы зашевелились, и у Ники в голове запел голос! Он сказал: «Спасибо, что выпустила меня! Теперь я могу вернуться к таким же, как я!» «Кто ты? Ты можешь мне помочь?» – закричала Ника. Она подумала, что, наверное, уже утонула и у нее предсмертные галлюцинации… Я читал, такое бывает. Но огонек снова запел: «Я знаю о себе только то, что я странствую по лесам и болотам. Я блуждаю очень давно и не понимаю, чего я ищу и кто я такой». «Помоги мне, пожалуйста», – взмолилась Ника. «Хорошо, – согласился голос. – Но взамен я кое-что попрошу». «Все что угодно!» – закричала Ника, которая уже была в болоте по шею. «Прямо все-все? – сказал голос задумчиво. – Ну что ж, раз ты согласна…» И тут он полетел прямо на Нику, очень быстро. Она зажмурилась от света…

– Мне кажется, Максим, ты любитель страшилок и ужастиков, – улыбнулся Озеров.

– Есть немного. – Максим еще раз поправил очки и принялся изучать узор ковра у себя под ногами.

– Что ж. Теперь… «Смерть». Ого, как мрачно. Вика?

В комнате зашелестели шепотки и удивленные возгласы.

– Получается, это должен быть конец? – неуверенно произнесла девочка в розовом свитшоте.

– Я не знаю, тут вы решаете. Смерть – это всегда конец, как по-твоему?

Вика пожала плечами и огляделась в поисках поддержки или подсказки. Но все молчали и ждали, что она скажет.

– Ну да… Наверное.

– Рассказывай, как тебе хочется. Это и твоя история тоже.

– Ника открыла глаза, а огонек исчез. – Девочка говорила быстро, словно хотела поскорее избавиться от неприятной обязанности. – И другие тоже. Вокруг стало темно. А внутри у Ники очень холодно. Болото потянуло ее сильнее, она уже не могла сопротивляться, и вода сомкнулась над ее головой. Все.

– Эй! – возмутился Максим. – Ну зачем?

Его поддержало несколько разочарованных голосов.

– А я тут при чем? – вскинулась Вика. – Если карточка такая!

– Ну, можно было как-то по-другому придумать. Представить смерть метафорически! Это ведь иногда только образ! – не унимался Максим.

– Попробуй сам, – обиделась Вика.

– Тихо, тихо! – Озеров поднял ладони в примиряющем жесте. – Вика уже вложила кусочек в общую историю, назад поворачивать нельзя. А следующей будет рассказывать Катя. Твоя карточка – «Блуждание». Получится у Ники спастись, как думаешь?

После долгой паузы заговорила еще одна семиклашка:

– Повсюду было что-то мокрое и холодное. Ника тонула и не понимала, что происходит. У нее заканчивался воздух, она была в отчаянии. Вспомнила родителей и подумала, что больше никогда их не увидит. А потом потеряла сознание. Когда она открыла глаза, вокруг было темно и очень холодно. Она не понимала, где она, и сколько прошло времени, и живая ли она вообще. Ника с трудом встала и пошла через темноту. Земля была странной и вязкой. Рядом звучали голоса. Кто-то шептал, дышал. Ника наступила непонятно на что, оно громко хрустнуло… Она не стала проверять, что это, и заспешила дальше. Иногда Нике казалось, что она видит горящие глаза… А потом они гасли. Идти становилось все труднее и труднее, она очень устала. На нее навалилась страшная тяжесть, хотелось упасть и лежать. Но она все-таки решила не сдаваться.

– Ну вот видите! Только теперь наша история действительно подходит к концу. Не рассказывала только Полина. – Озеров бросил взгляд на Артема, который откинул голову на спинку кресла, прикрыл глаза и покачивал ногой вроде как в такт музыке, звучащей у него в ушах. – Значит, осталось последнее событие. И это… – Он удивленно изогнул густые брови, а потом показал карточку остальным.

«Превращение», – прочла Тамара.

– У-у! – присвистнул кто-то.

– Расскажешь, чем все закончилось? – Директор, склонив голову набок, посмотрел на растерянную Полю. – Финал ис-

тории – это самая важная часть.

– Ну-у-у… – Поля закусила губу, обшарила взглядом комнату, словно надеялась, что продолжение записано где-нибудь на обоях, и медленно заговорила: – Ника все шла и шла, и ей было все труднее и труднее. А потом она уперлась в крутой склон. И она стала цепляться за него, чтобы залезть и выбраться. Но у нее ничего не получалось – пальцы соскальзывали. Ника почти отчаялась, но тут почувствовала… – На этом месте Поля глубоко вздохнула, и вдруг слова полились, наскакивая друг на друга и заставляя ее тараторить и проглатывать окончания: – Она почувствовала, что вместо ногтей у нее длинные, острые и загнутые когти! И этими когтями уже было очень удобно цепляться. Ника стала карабкаться выше и выше. Ей было тяжело, ее как будто тянуло вниз, но постепенно ее руки и ноги стали сильнее. А потом ей перестало быть холодно – и она поняла, что ее тело покрыто чем-то вроде шерсти… Вдруг из темноты выскочило что-то большое, склизкое! Оно зашипело, обернулось вокруг шеи Ники, стало ее душить. Они боролись, но Ника сумела схватить это что-то и впиться в него зубами! Оно взвыло от ужаса и боли, и Ника поняла, что у нее больше не человеческие зубы, а самые настоящие клыки…

– Вот это поворот, – одобрительно закивал Миша, и остальные его поддержали.

– Не перебивайте, – вмешался Озеров и сделал Полине жест, чтобы она продолжала.

Поля натянула на запястья рукава толстовки и снова заговорила:

– Ника не знала, сколько времени прошло и долго ли она лезла наверх. Может быть, это были минуты, часы. Может, дни. А может, даже месяцы или… годы? В какой-то момент она осознала, что почти не касается холодной вязкой земли, по которой карабкалась. Что-то зашумело у нее за спиной. Это были крылья! Ее собственные! У нее теперь были крылья! Она взмахнула ими, услышала, как они хлопают и шелестят, и взмыла вверх. Потом пролетела через невидимую преграду и поняла, что летит над лесом. Внизу было болото и верхушки деревьев, а наверху полная луна. На болоте загорелись огоньки, один за другим. И у Ники в груди тоже что-то засветилось…

Последние слова вылетели из Поли, как воздух из шарика, – она будто сдулась, опустила плечи. Тамара переглянулась с Лерой и Ниной. Семиклашки посмотрели друг на друга, потом на Озерова. Максим несколько раз хлопнул в ладоши.

– По-моему, круто, – сказал он. – Вот только… На самом интересном месте же!

– Да. Получился открытый финал, – улыбнулся директор. – И это даже хорошо. Точка вроде как поставлена, но ее всегда можно превратить в запятую и продолжить историю. И каждый слушатель может сам решить, что будет дальше, если подключит фантазию. Закрытые концовки такой воз-

можности не дают.

– Молодец! – Нина потрепала Полю по руке, которую та осторожно высвободила. – Ну и фантазия у тебя!

– Может быть, мы как-нибудь продолжим. – Озеров убрал карточки обратно в коробку, посмотрел на часы. – Время уже позднее. Давайте каждый из вас поделится впечатлениями о сегодняшнем дне, а потом мы потихоньку разойдемся по комнатам? По традиции я начну. Все прошло лучше, чем я думал. Вижу, что у нас подобралась отличная команда. – Взгляд его метнулся к Артему и вернулся обратно. – Причем уже сплоченная команда. А это хороший знак. Мы вместе сделали важное дело: рассказали хорошую историю. Хоть и мрачноватую, должен признать. Я очень доволен и думаю, что дальше все будет еще интереснее. И что вы, ребята, станете отличными друзьями. Как считаете? – Он улыбнулся, показав белые зубы и ямочки на гладко выбритых щеках.

В ответ вспыхнули еще несколько улыбок – неуверенных, смущенных, радостных. Тамара переглянулась с одноклассницами. Ей вдруг стало теплее, причем не из-за температуры. Просто она, как ни удивительно, оказалась на своем месте, впервые за последние полтора года. Все было… правильно. Ее принимали. Она была не инородным телом, не пятым колесом, а частью команды, как сказал Озеров. Может, она все же ошибалась насчет этой школы? Может, зря артачилась и здесь ей и правда будет хорошо?

– Кто еще хочет высказаться? Лера?

– Я никогда не тороплюсь с выводами, – важно произнесла та. Обвела серьезным взглядом лица, но, дойдя до Поли, Нины и Тамары, расплылась в светлой и совершенно очаровательной улыбке. – Но я рада, что я здесь. И что встретила хороших подруг. Теперь с нетерпением жду, когда же начнутся уроки.

– Боюсь, уроков ждешь ты одна, – засмеялся Озеров. – Но мне приятно это слышать, спасибо. Нина?

– Скажу то же, что и Лера. Здесь классно! И класс у нас тоже… классный! – Она хихикнула и посмотрела на остальных девочек.

– Тамара?

– Да, мне тоже нравится, – разулыбалась Тамара. По телу катилась теплая слабость, и она не могла понять, из-за температуры это или от радости. Наконец-то можно расслабиться, быть открытой, искренней, как раньше, в самой первой школе, – ведь здесь ее услышат и поймут. – Если честно, – выпалила Тамара, – я даже не ожидала, что так будет. Я думала, это школа для ущербных…

Голоса оборвались – будто кто-то выключил звук. К Тамаре повернулись десять удивленных лиц. Озеров приподнял бровь. Артем вытащил один наушник. В гостиной будто стало холоднее на пару градусов. Тамара сглотнула. Что-то ухнуло внутри, ноги и руки закололо иголочками, ладони увлажнились.

– Что ты хочешь сказать? – Директор говорил вежливо и

спокойно, но в голосе не было прежней теплоты.

– Ну… то есть… – Щеки горели. Тамара затараторила, пытаясь спасти положение: – Тут ведь все с проблемами… Сюда брали тех, у кого в других школах ничего не получилось. Таких… типа неудачников…

Ну вот опять. Тамара осеклась и плотно сжала губы, чтобы ни одно слово больше из них не вылетело. Поля, сидевшая рядом, как будто даже отодвинулась немного. Лера и Нина – Тамара скорее почувствовала, чем увидела – смотрели на нее холодно и настороженно. Как и все остальные.

– Ты не права, Тамара. – Озеров прервал паузу, которая уже казалась невыносимой. – В нашей «Мастерской» нет ущербных. Но есть много тех, кому требуется больше внимания, чем остальным. И это не делает никого из *нас,* – выделил он это слово, будто присоединяясь к своим подопечным, становясь с ними на одну ступеньку, – хуже. Наоборот. Это делает нас особенными. Более чувствительными, более чуткими. И значит, более способными… Постарайся, пожалуйста, выбирать…

– Извините! – выплюнула Тамара и вскочила с места.

Ну вот и все. Она все испортила. Снова. И прекрасно знала, что сейчас будет: холодные шепотки, презрительные взгляды, пустота, которая растет вокруг нее, словно она заразная. Ей придется остаток вечера просидеть, глядя в пол и слушая, как остальные смеются и говорят друг другу, как они рады, что приехали, и какие все здесь чудесные. На са-

мом деле, конечно, имея в виду: «Все, кроме этой щекастой, которая сказала, что мы ущербные… Ну и еще кроме того придурка, который сидит в углу с наушниками».

Нет уж, это просто невозможно вытерпеть. Опустив глаза в пол, Тамара прошла через враждебно притихшую гостиную. Прошла вроде и быстро, но эти несколько мгновений показались ей долгими, невыносимо долгими, – и вылетела за дверь. Ее никто не остановил и даже не окликнул.

Глава 4
Голос в темноте

В себя Тамара пришла уже у лестницы. Дышалось ей с трудом. В груди было жарко, и в голове тоже. Горло саднило. Она осторожно потрогала свой лоб: раскаленный! Коридор – с теплыми лампами и картинами в тяжелых рамах – покачивался перед глазами. Теперь точно придется идти к медсестре. Где там был медицинский кабинет? На втором этаже? Нет, на первом.

Тамара старалась выкинуть из головы то, что сейчас произошло, и, вцепившись в перила, полностью сосредоточилась на том, чтобы попадать ногами на ступеньки и не скатиться вниз кубарем. На середине лестницы она замерла. И

обернулась с надеждой. Ее кто-то позвал. Она услышала свое имя, произнесенное совсем тихо. Но ни на лестнице, ни в коридоре никого не было.

Верхний свет в холле не горел: его уютно освещали две настенные лампы, позволяя теням собираться под потолком и в углах. За большими окнами было уже совсем темно. В пруд, выскакивая иногда из-за облаков, гляделась растущая луна. Вдоль подъездной дорожки горели фонарики.

Голова снова закружилась. Может, позвать на помощь? Или позвонить родителям? В груди начала разливаться теплая уверенность, как в детстве: да, конечно, родители все решат, можно ни о чем не беспокоиться. Но ее тут же сдул безжалостный сквозняк: мама и папа сейчас в самолете, летят домой, в Москву. К тому же она примерно десять тысяч раз сказала им, что справится сама. И если у нее не выйдет…

Однажды она слышала краем уха, что мама думает нанять в антикафе управляющую, а сама сидеть с Тамарой дома, возить ее по частным учителям и психологам и пытаться ее «реабилитировать». Одна мысль о круглосуточном надзоре заставила Тамару положить смартфон обратно в карман и зашагать через холл – настолько решительно, насколько это вообще было возможно в ее состоянии.

Когда она свернула в широкий коридор, ей показалось, что кто-то смотрит на нее. В затылок уперся взгляд – настойчивый, изучающий. Тамара застыла, потом медленно повернула голову. Но выхватила в уютном полумраке только очер-

тания черного крыла. Она была почти уверена, что кабинет медсестры должен быть где-то здесь. Интересно, она еще на работе? Если верить презентации, «Мастерская» обещала, что в здании будет круглосуточно присутствовать медицинский работник.

Из другого крыла, оттуда, где они ужинали, доносились голоса и шум, хлопнула дверь. По Тамариным расчетам, там должна была быть кухня. Но тут, в этом крыле, стояла тишина. Тамара прошла мимо двух запертых дверей. На одной было написано «Тренажерный зал», на другой – «Мастерская». Третья дверь встретила Тамару в самом конце коридора, и на ней ничего не было написано.

Тамара постояла перед ней, несколько раз неуверенно стукнула. Потом все же повернула круглую ручку и потянула дверь на себя. Она оказалась не заперта.

– Извините, пожалуйста…

За дверью ничего не было. Вообще ничего, кроме густой темноты, которая заполняла все пространство без окон. Тамара даже не смогла прикинуть, какого размера помещение: свет из коридора помог разглядеть несколько серых плиток на полу, а дальше только мрак. По телу прошел озноб. Нет, на медицинский кабинет эта комната явно не похожа. Нужно найти Марину и попросить ее помочь. Тамара прикрыла дверь, но руку от ручки не оторвала. Что это? Ей опять послышалось? Или… Она напрягла слух. Да, так и есть. Тихий, почти неразличимый всхлип, потом еще один. Оттуда. Из-за

двери. Из темноты.

Тамара замерла. Кто-то плачет, она слышала совершенно отчетливо. Голос детский, скорее всего девчоночий. Может, это кто-то из самых младших, из пятиклашек? Но что она там делает, почему ревет одна в темной комнате без окон?

Тамара отпустила ручку, огляделась. Ни учителей, ни других учеников. Коридор по-прежнему был пуст. Тут только она, Тамара. И еще маленькая плачущая девочка. Которая, может, заблудилась. Или ее обидели, и она прячется, боится выйти… Или… Да что угодно могло случиться.

– Э-эй! – Тамара приоткрыла дверь и тихонько позвала. – Ты тут? У тебя что-то случилось?

Молчание. Тамара пошарила рукой по стене в поисках выключателя. Ничего. Тогда она вытащила смартфон, включила фонарик и направила луч в комнату. Он высветил небольшую площадку перед дверью, потом что-то вроде перил и… лестницу. Темную металлическую лестницу, которая вела вниз, в густой мрак. Тамаре стало не по себе: что, если девочка упала, повредила себе что-то и не может встать? На ее мысли темнота ответила еще одним всхлипом, совсем тихим и жалобным.

– Я к тебе сейчас спущусь! – Тамара уже забыла и о том, что собиралась искать медсестру, и о том, что у нее, судя по всему, высоченная температура. Она уцепилась за металлические перила и, бросив луч фонаря себе под ноги, поспешила вниз.

Вскоре лестница закончилась, и Тамара ступила на холодный бетонный пол. По ногам потянуло сквозняком.

– Ау-у…

Тишина.

– С тобой все в порядке?

Никакого ответа. Тамара подняла смартфон и лучом обвела помещение. Он выхватил тянущиеся по стенам трубы, какие-то ящики и доски на полу и наконец что-то большое, черное, занимавшее едва ли не половину комнаты. И это что-то скалилось на Тамару. Злобно так скалилось.

Она отпрянула, налетела на нижнюю ступеньку, больно ударилась щиколоткой, едва не уронив телефон. Потом посветила снова: вентили, рычаги, решетчатая дверца, трубы, циферблаты со стрелками…

Котел! Огромный старинный котел, которым раньше, наверное, отапливали особняк. Похожие Тамара видела на фотографиях фабрик начала XX века. И еще читала, что такие котлы могли взорваться и разнести целый дом. Что-то подобное даже было в ужастике… Кажется, у Кинга.

Тамара осторожно подошла, позволив лучу света облизнуть черные матовые бока. Нет, взорваться этот котел никак не может, им, наверное, уже лет сто никто не пользовался. Она быстро коснулась пальцем холодной поверхности – и убрала его, словно котел мог ее укусить.

Луч метнулся в сторону и выхватил из темноты дверь. Тамара посмотрела еще раз. Да, невысокая металлическая

дверка, которая удачно вписалась в переплетение труб возле брюха котла. Она выглядела так, словно к ней тоже никто не подходил целую вечность. Но как только Тамара отвернулась, оттуда, из-за этой дверцы, раздался уже знакомый звук. Всхлип.

– Подожди немного, я кого-нибудь приведу. – Ее голос прозвучал слабо и как-то жалко. Если бы она сама застряла в сыром подвале, если бы была ранена и напугана, ее такой голос точно бы не подбодрил.

Тамара шагнула к лестнице и приготовилась идти обратно в гостиную, где все, наверное, вспоминают ее дурацкую выходку. Вот она войдет туда и проблеет, что в подвале плачет маленькая девочка. Да ее сначала просто на смех поднимут. А потом поднимут еще раз, когда поймут, что она, как детсадовка, испугалась темноты. Зато если она сама спустится за девочкой, если приведет ее к Озерову и все об этом узнают… Тамара еще раз задумалась. Может быть, даже забудут о том, что она сказала? О том, что назвала их ущербными и неудачниками? К тому же это ведь будет хороший поступок. Даже очень.

Она шагнула обратно к дверце и потянула за ручку. Сначала Тамаре показалось, что дверь заперта, но она все-таки потянула сильнее. Раздался треск, на пол посыпались хлопья штукатурки, и дверь с лязгом поддалась. Из проема повалила холодная сырость.

– Я сейчас за тобой спущусь, – объявила потом она.

И шагнула внутрь. Совсем почему-то не подумав, каким образом дверь оказалась так плотно затворена, если ее недавно открывали.

Глава 5
Ступеньки

Тамара успела пройти всего несколько шагов, когда ее нога соскользнула, и она, взмахнув несколько раз руками, едва удержалась в вертикальном положении.

Лестница. Еще одна лестница почти сразу за дверью. С ее удачливостью и ловкостью – все в кавычках, конечно, – этот спуск легко может закончиться на больничной койке. А перед этим придется неизвестно сколько пролежать здесь, в сыром и темном подвале, пытаясь позвать на помощь. Замечательная перспектива. Просто восхитительная! Чистый восторг!

Тамара посветила лучом фонаря себе под ноги и начала осторожно спускаться по ступенькам, на этот раз каменным, придерживаясь рукой за холодную, чуть сыроватую стену.

Всхлипов больше слышно не было, и Тамара не на шутку занервничала. И не только из-за незнакомой девочки. Луч телефонного фонарика здесь давал очень слабый, даже какой-то жалкий свет. И это было странно, если вспомнить, что обычно она могла осветить им ночью всю комнату. А здесь как будто была особенная темнота. Более густая, что ли… Более хищная, вдруг решила Тамара, и по волосам на затылке будто прошлись холодным металлическим гребнем.

Эта темнота поглощала весь свет, питалась им, обгладывала его…

Лестница неожиданно закончилась, Тамара снова стояла на ровном полу.

– Ты где? – позвала она неуверенно. Потом приподняла лучом фонарика темную завесь и поняла, что стоит в широком коридоре со сводчатым потолком. Она поежилась и двинулась вперед, стараясь не думать о том, что загадочная девочка уже давно должна была найтись. Если она вообще здесь есть.

Что-то пробежало возле Тамариной щиколотки, она отпрянула и, едва не взвизгнув, устроила целое световое шоу, пытаясь понять, что это было. Может, крыса? Обычная крыса. Большая и мерзкая. Такая, которая вполне способна впиться своими острыми зубами в Тамарину голень. А может, тут не одна крыса, а сразу десяток. Они ведь наверняка здесь водятся.

Снова прикосновение. И Тамара шумно выдохнула: сквозняк. Просто сквозняк, и ничего больше. Коридор закончился высоким арочным проходом, за которым начиналась… еще одна лестница. Тамара отправила луч вниз, на разведку. Он растворился в темноте вместе с нижними ступеньками. Так что нельзя было даже сказать, насколько глубоко придется спуститься.

– Э-эй…

Она простояла несколько мгновений, ожидая, что темнота

под ногами откликнется слабым всхлипом или, может быть, парой слов, просьбой о помощи. Но та молчала. Напряженно. Настороженно. Предвкушающе.

Тамара посмотрела на время: 22:45. Все, наверное, уже разошлись по комнатам. Если их пойдут проверять и обнаружат, что ее спальня пуста… Ничего хорошего можно не ждать. Озеров обещал, конечно, что обойдется без вызовов на ковер и жалоб родителям. Но, во-первых, кто из учителей вообще когда-нибудь говорил правду? А во-вторых, здесь проступок будет потяжелее, чем прогул урока или несделанная домашка.

И все же Тамара начала спуск. Это последняя лестница, честно. Если за ней будет еще одна, если девочка не найдется, нужно будет вернуться назад, найти Озерова и позвать на помощь. Всего десяток ступеней. Вряд ли больше. Никому бы не пришло в голову рыть здесь катакомбы глубиной с московское метро. Для чего? Это же просто дом, красивый старинный дом, в котором когда-то жили обычные люди – просто богатые. Ну не стали бы они устраивать здесь подземные гробницы. Или тюрьму для пленников. Или пыточную камеру для всяких чудовищных экспериментов…

Нет, ну что за глупости. Это все температура. И дурацкая история, которую затеял Озеров, – про девочку, спустившуюся в подвал, а потом превратившуюся в чудовище. Ну и темнота. Тамара никогда темноты особенно не боялась – даже когда была совсем маленькая, почти не воображала себе,

что из-под кровати вот-вот высунется рука монстра или что стул с наваленной на него одеждой – это вовсе не стул, а что-то горбатое, большое, с длинными, стелющимися по полу руками-рукавами. А вот чего она боялась – так это крови. Мама вечно удивлялась: как же так, ты ведь девочка достаточно большая; если бы большие девочки боялись крови, они бы падали в обморок каждый месяц. Но Тамара ничего не могла с собой поделать. Достаточно было легкого пореза на пальце, чтобы ноги у нее начали подкашиваться, а уж окровавленные бинты или кровь, набранная в пробирку для анализа, и вовсе доводили ее до приступов паники и тошноты. Поэтому, если все-таки приходилось сдавать кровь, она сидела зажмурившись и не открывала глаз до тех пор, пока на руке не появлялась чистая белая повязка, а пробирка с темно-красной жидкостью не пряталась в специальном штативе среди других таких же.

Только вот эта сырая темнота Тамару почему-то пугала. Не так пугала, чтобы завизжать и, размахивая руками, обратиться в бегство. Но достаточно, чтобы напряженно свести лопатки и позволить всяким абсурдным мыслям просочиться в голову. С каждым шагом ей становилось все тревожнее. Начало казаться, что лестница никогда не закончится. Что она, как в «Братстве Кольца», спускается сейчас под горы Мории, прямо к логову огненного демона Балрога. Или, как Алиса, летит все ниже по кроличьей норе. Кто вообще решил, что это добрая детская сказка? История про девочку,

которая упала в яму, чуть не утонула, встретила целую толпу опасных психов, отказавшихся понимать, что она говорит, и, наконец, чуть не лишилась головы. И это сказка? Серьезно? Да это самый настоящий хоррор. Тамару эта книга с детства пугала, и она даже не удивилась, когда увидела, что есть парочка жутковатых компьютерных игр по мотивам истории.

Когда Тамара уже почти решила, что пора поворачивать, ступеньки закончились. Судя по тому, как свободно перемещался, касаясь ее лица, воздух, помещение было довольно большим. И за ним, возможно, были и другие комнаты и коридоры, целая галерея. Луч фонарика показал сводчатые потолки, потом какие-то темные конструкции вдоль стен. Тамара присмотрелась и поняла, что это: бочки. Бочки, уложенные в несколько рядов на деревянных полках и подпорках. Тамаре стало стыдно за ее фантазии о пытках и гробницах. Хозяева, наверняка какие-нибудь аристократы, просто устроили здесь винный погреб. И если сейчас в этих бочках хоть что-нибудь осталось, оно, наверное, стоит кучу денег. Интересно, Озеров знает, что у него тут такие богатства?

Тамара осторожно подошла к бочкам и тихонько постучала по одной из них. Но по звуку не смогла понять, есть что-то внутри или нет.

И тут снова… Всхлип? Писк?

– Ты тут? – Тамара встрепенулась, и луч фонаря пустился в пляс по сводчатому потолку, серому каменному полу и растаял в конце зала, там, где сгущалась темнота.

Ее голос зазвенел, отразился от стен и выдохся, как разбитая о берег морская волна. Ни одного слова в ответ Тамара не услышала. Еще немного, пообещала она себе, и она точно идет назад. Спускаться к ядру Земли или застрять в подземельях, где ее никто не услышит и не найдет, в ее планы точно не входило.

Тамара зашагала вперед, но через пару метров остановилась. И замерла, напряженно приподняв плечи. Потому что услышала звук. Шорох. Размеренный шорох. Прямо у себя за спиной. Как… шаги? Будто кто-то идет за ней следом. Она заставила себя обернуться. Фонарик выхватил пол, кусок стены, несколько винных бочек. Но вне зоны его досягаемости оставалось множество уголков и закоулков, заполненных темнотой.

Тамара прошла еще немного вперед, шорох повторился. От облегчения по телу прокатилась волна слабости. Это же ее собственные шаги. Просто эхо. Кажется. Стараясь теперь ступать как можно тише, она дошла туда, где зал заканчивался. Ее ждал невысокий арочный проход, выложенный камнями. Только сейчас ей пришла в голову мысль: эти камни и на полу, и на стенах – большие, неровные – выглядят гораздо старше, чем сам дом. Гораздо, гораздо старше. Что же это за подвал? Вдоль позвонков будто провели холодным пальцем.

Уже у прохода в следующий зал Тамара увидела на полу перо. Черное перо, довольно большое, которое она поначалу приняла за тень или трещину между камнями. Оно яв-

но принадлежало какой-то крупной птице: лебедю? грифу? кондору? О птицах Тамара знала не очень много, но перо ее озадачило. Откуда ему здесь взяться?

Правда, уже через полминуты о пере она забыла. Потому что, пройдя под аркой, оказалась в новом зале, и там стояло что-то… Она медленно, не опуская смартфона, подошла поближе. Длинный стол на высоких ножках – пыльный, но, судя по матовому блеску, металлический. Рядом точно такая же металлическая тумбочка. Шкаф со стеклянными дверцами. Перевернутая корзина на полу. Ничего опасного. Но Тамара не понимала, зачем здесь все эти предметы.

Чуть дальше она увидела еще один стол, на этот раз обычный, письменный. Только старый, из темного дерева и покрытый толстым слоем пыли, как и все здесь. Стол стоял неровно, будто человек, который за ним сидел, поднялся очень резко и сдвинул его немного вбок. Простой деревянный стул лежал на полу. Позади стола фонарик выхватил из темноты шкаф, на полках которого вырисовывались ряды книжных корешков.

Книги Тамаре нравились, а эти наверняка были старинные и невероятно ценные. И хотя у нее не получалось отделаться от мысли, что их тут быть не должно, руки сами потянулись к книжным полкам. Но через минуту энтузиазм уже сменился легким разочарованием. Часть книг сильно повредила сырость: страницы покорежились, на них появились темные пятна, напоминающие плесень, да и запах был не са-

мый приятный. К тому же книги были на каком-то незнакомом Тамаре языке. Скорее всего, на немецком.

Она доставала одну книгу за одной, смахивала пыль, приседала на корточки, укладывала раскрытую книгу на колени и светила себе фонариком. Чаще всего она вообще не могла понять, о чем речь. Пару раз ей, судя по рисункам, попадались книги по биологии или химии: цепочки формул, разрезанные крысы и кролики со стрелками, указывающими на различные органы. Следом нашлась книга по орнитологии – кажется, что-то вроде справочника по разным видам птиц. Голуби, ястребы, сойки, лебеди… Но большая часть книг была о медицине.

Большущий атлас анатомии человека. Потом книга, из которой на Тамару смотрели сиамские близнецы, одноглазые дети, младенцы с малюсенькими головами или двумя лицами, обнаженная девочка, похожая на паука (Тамара насчитала минимум четыре ноги)… Снимки в основном были зернистые и нечеткие, но их хватило, чтобы к горлу подкатила тошнота.

Следом пошли хирургические атласы и учебники. На этот раз внутренностями наружу лежали уже не лягушки или крысы, а люди. Тамара быстро пролистала фотографии гангрен, схемы ампутаций, картинки, которые показывали, как правильно зашивать раны, разверзнутые грудные клетки, из которых торчали изогнутые инструменты. Страницы начали расплываться перед глазами. Тамара ухватилась за полки и

поднялась, кое-как вернув книгу на место. Она даже крови боится, а тут…

Под подошвой что-то хрустнуло. Тамара посветила: осколки. А чуть подальше – металлическое основание с ручкой. Как от старинной керосиновой лампы, какие она видела на картинках и в фильмах.

Тревога, бьющаяся внутри, хотела, чтобы Тамара скорее ушла из подвала. Прошла обратно через погреб, поднялась по двум лестницам, вернулась в котельную, а оттуда наверх, в свою комнату. Но сама Тамара медлила. Девочку она так и не нашла. И уже не была уверена, что эта девочка вообще существует, что всхлипы и подвывания – это не свист ветра в стенах, не стон старого дома. Но Тамара понимала, что если прямо сейчас отсюда уйдет, то спать спокойно не сможет, пытаясь понять, что же это за место и что тут происходило. Она словно начала читать книгу, у которой вырвали последние страницы (Тамаре однажды попалась такая в детской библиотеке). Или смотреть интересный сериал, который почему-то закрыли прямо на середине сезона. Да, жуткий сериал. Да, такой, который Тамаре, может, и не стоило досматривать. Но узнать, чем все закончится, хотелось просто невыносимо.

Она повернулась к письменному столу и только сейчас заметила, что на нем тоже лежит несколько книг и, кажется, тетрадей. Толстых, в мягких обложках. Книги Тамара решила проигнорировать – после увиденного ее и так подташни-

вало. А вот тетради захотелось рассмотреть поближе. Она взяла самую верхнюю, раскрыла.

Пожелтевшие страницы исписаны мелким, очень аккуратным почерком – почти идеальным. Снова на немецком. На форзаце в уголке несколько цифр: 3, 10, 2, 6, 1. Тамара сразу их запомнила, потому что третьего октября у ее мамы день рождения, а 261 напоминало ПИН-код ее банковской карты – 0261.

На некоторых страницах стояли даты: 1943 год, 1944-й. На странице в середине тетради Тамара задержалась подольше, чтобы рассмотреть рисунки. Несколько сложенных и раскрытых крыльев, которые, кажется, принадлежали разным птицам. Потом почему-то крылатая кошка. И даже свинья с большими белыми, словно лебедиными, крыльями. И наконец, человек. Девушка, совсем юная, полностью обнаженная. И крылатая.

Рисунок был сделан аккуратно и детально, как будто это изображение животного в учебнике биологии. Не хватало только стрелок, которые указывали бы на разные части тела.

Тамара открыла камеру, сфотографировала рисунки и еще несколько страниц, на которых были схемы, напоминающие те, что она уже видела в учебнике по хирургии. Тетрадь оказалась исписанной только до середины. И на последних страницах почерк уже не был таким ровным и аккуратным, как до того. Слова подпрыгивали, метались, игнорировали строчки. И наконец обрывались. Тут тоже стояла дата – ян-

варь 1945-го.

Тамара отложила тетрадь и подняла камеру, чтобы сфотографировать еще и комнату. Вспышка, вторая, третья. Вот шкаф, вот тумбочка, вот стол… Она вернулась взглядом к книжным полкам. Вспомнила хирургические учебники, рисунки с зажимами и скальпелями. Снова посмотрела на длинный металлический стол. Сглотнула.

Операционная. В нестерильном подвале без окон и света. Глубоко под землей, где никто ничего не услышит. Тамара понимала, что зря это делает, но словно против воли приблизилась к столу. Бросила луч фонаря на тумбочку. Под слоем пыли разглядела какие-то предметы. Нож? Нет, кажется, скальпель. А рядом пинцет. И еще что-то вроде кусачек…

Взгляд скользнул вниз, на пол. Комом лежат серые тряпки. И перья. Черные. Много перьев. Словно здесь била крыльями большая птица. Тамара носком кроссовки пошевелила ткань, брошенную возле ножки стола. Она немного развернулась, и фонарик высветил несколько больших растекающихся пятен. Не то зеленоватых, не то бурых…

Кровь. Ноги наполнились тяжестью. Желудок сжался, готовясь вывалить обратно сегодняшний ужин. Тамара отшатнулась, луч фонаря забегал по стенам, потом резко взметнулся к потолку и… погас. Погас с ужасающим громким треском. Потому что смартфон – большой экран, гладкий обтекаемый корпус – выскользнул из Тамариных увлажнившихся пальцев прямо на пол.

– Нет-нет-нет-нет-нет! – Она опустилась на колени, принялась шарить руками по полу. – Нет, пожалуйста!

Пальцы коснулись ножки стола, потом другой, потом корзины. Коснулись ткани. Той самой, с пятнами крови. Тамара завизжала, вскочила на ноги. Кинулась бежать, врезалась во что-то. Бедро вспыхнуло болью. Руки нащупали письменный стол с книгами и тетрадями.

Тамара, задыхаясь, отступила на пару шагов, пытаясь понять, откуда она пришла. Но вокруг, со всех сторон, была только темнота, в которой глаз не мог различить даже очертаний стен и предметов. Она разом поглотила все помещение, весь подвал. Как будто во всем мире больше ничего и не было, только темнота.

Накатила паника. Что, если она никогда отсюда не выберется? Телефона больше нет – возможно, он разбился, да и сигнал сюда все равно не проходит. Никто не найдет ее здесь. Никому даже в голову не придет ее тут искать. Сюда, кажется, не спускались последние лет семьдесят, иначе обнаружили бы и бочки, и книги, и эту операционную.

Некстати вспомнился плач, который привел… заманил ее сюда. Кому он принадлежал? Вдруг эта девочка тоже, как и Тамара, спустилась сюда, а дорогу назад так и не нашла? И сколько она уже сидит здесь? Сколько часов? Дней? Лет?.. Тамара замотала головой, сделала наугад несколько шагов, снова замерла. Нужно добраться до стены и идти вдоль нее, вот и все.

Темнота будто становилась еще гуще. Она двигалась. Колыхалась. Текла мимо Тамары. То есть не мимо, а к самой Тамаре. Она словно присматривалась. Принюхивалась. Как зверь, который встретил незнакомое существо и пытается понять, можно ли его сожрать. Тамара вдруг совершенно отчетливо поняла, что к ней что-то прикасается. Ощупывает ее. Лицо, руки, волосы. Со всех сторон. Легонько и быстро, как вода, которая скользит вдоль тела, когда погружаешься в море или бассейн. Но, в отличие от воды, это что-то прикасалось к Тамаре намеренно.

Она услышала собственный стон и кинулась бежать. Даже не успевая толком осознать, в какую сторону движется и куда поворачивает. Правда, уйти слишком далеко у нее не получилось: она споткнулась, потеряла равновесие, налетела на невидимую в темноте конструкцию, которая прорезала густую тишину таким оглушительным грохотом, что на секунду сердце у Тамары перестало биться.

Она вытянула руки, пальцы коснулись металла. Холодные прутья. Клетка! Довольно большая, примерно ей по грудь. И рядом еще одна такая же. И еще… Кого могли здесь держать? Животных? Или тех, кто оказывался в итоге на операционном столе? Перед Тамариными глазами побежали картинки из медицинских учебников: разрезанные животы, ампутированные ноги, одноглазые дети… Она судорожно вздохнула и попятилась, ощупывая руками темноту и надеясь найти хоть какой-то ориентир.

Под пяткой глухо хрустнуло. Не стекло. Очень похоже, только намного тише, хрустит куриная косточка, когда надавливаешь на нее зубами, чтобы высосать костный мозг. Тамара повернулась и кинулась в сторону. И снова ударилась обо что-то. Большое, металлическое. На этот раз похожее на дверь. Ее ладони шарили по прохладной поверхности, ощупывая швы, пластины, клепки. Наткнулись на ручку. Даже не ручку, а большое колесо – как на банковских дверях в фильмах.

Подвал не может быть настолько большим, она уже должна была обойти его целиком. Значит, дверь наверняка ведет наверх – не в котельную, скорее всего, а куда-то еще. Думать у Тамары толком не получалось – слишком громко и неровно колотилось сердце, слишком сильно сдавливало грудь, так что воздух едва проталкивался в легкие.

Идти туда, в щупальца этой вязкой тьмы, Тамара не могла. Поэтому попробовала потянуть колесо сначала в одну сторону, потом в другую, но оно оставалось неподвижным. Тамара навалилась на колесо со всей силы, даже зарычала тихонько, но отчаянно, – и вот оно немного поддалось. Тяжело, с ржавым скрипом. У нее получилось повернуть его вправо примерно на девяносто градусов. Дверь оставалась запертой. Тогда она потянула колесо влево – с тем же результатом. Тамара отступила на шаг и закричала:

– Помогите! Помогите, пожалуйста! Я внизу! Я не могу выбраться!

Она ожидала, что крик взлетит к потолку, отразится от стен, прокатится по залам, усиливаясь и раздваиваясь, так что его услышит кто-нибудь наверху. Но он погас практически сразу, словно она кричала в подушку. Словно что-то впитало его, вобрало в себя.

Для верности она закричала еще раз. Забарабанила в равнодушную дверь, из-за которой не доносилось ни звука. И снова – пока не заболели костяшки. Но быстро выдохлась, как проколотый шарик. Тамара закрыла лицо руками и заскулила: ей отсюда не выйти, никогда. И однажды кто-нибудь еще спустится в этот подвал, наткнется на нее в темноте и, может быть, услышит такой же хруст, какой она слышала пару минут назад. Кто вообще придумал ставить здесь сейфовую дверь?..

Сейфовую! Тамара встрепенулась. У сейфа всегда есть код, может, и здесь есть. Но какой? Один, два, три, четыре, пять, шесть – стандартный пароль для тех, кто не привык заморачиваться? Нет, вряд ли. Эту дверь установил кто-то, кто любит сложности. Тамара закусила губу. Какие же цифры мог выбрать этот кто-то?..

Тетрадь. Тетрадь с жуткими рисунками и цифрами на внутренней стороне обложки. Какие там были числа? День рождения мамы, потом ПИН-код банковской карты. Тамара вцепилась в колесо и повернула его направо, пока оно не сделало полный оборот. Повторила. И еще. Раздался щелчок, который, как она надеялась, был хорошим знаком. Теперь

в другую сторону. Три, десять, два, шесть, один. После финального поворота тяжелая дверь одобрительно щелкнула и немного приоткрылась.

Тамара, упираясь пятками в пол, потянула ее на себя, надеясь, что сейчас изнутри польется хотя бы слабенький свет, который приведет ее к лестнице. И только в самый последний момент, когда задверье уставилось на нее черным непроницаемым провалом, подумала, что вообще-то нет никакого смысла закрывать выход такой сложной преградой. Дверь с сейфовым замком. Такие обычно ставят, чтобы защитить какие-то ценности. Чтобы не дать никому проникнуть внутрь. Или выбраться наружу.

Тамара словно оказалась на краю бездны. Живой настороженной бездны, которая глубоко дышала и несколько минут внимательно ее разглядывала, думая, с какой стороны подобраться. Пахнуло сыростью. И пылью. А потом чем-то кислым, тошнотворным, гнилым. Как от протухшего мяса, которое забыли убрать в холодильник. Из глаз от этого запаха покатились слезы, по телу прошел спазм тошноты. Но прежде чем Тамара согнулась пополам, бездна всколыхнулась, подалась вперед и ринулась на нее. Длинные загнутые когти. Желтые клыки. Черные свалявшиеся перья.

Глава 6
Помрачение сознания

Под ресницы пробивался свет, но Тамару снова потянуло в жаркую влажную темноту. По внутренней стороне век поплыли картинки-воспоминания, смазанные, обрывочные. Или не воспоминания, а сны?

Лестницы. Влажные серые стены. Сводчатые потолки. Огромный стальной монстр… нет, котел. Сквозняк, погладивший ей спину. Книги с плесенью на страницах. Кровь. Тяжелая, медленно открывающаяся дверь, и за ней что-то… Провал. Темнота. Бездна. Собственное скачущее дыхание. Коридоры, снова коридоры. Снова ступеньки. Боль в колене. Холод. Бледнеющая луна над верхушками деревьев. Влажная трава. Черные крылья.

– Как она? Придется звонить родителям. Я должен знать, что им говорить.

– Пока спит. Температура упала, в легких чисто. Обычная ОРВИ, ничего экстраординарного. Семь-десять дней, и будет как новая.

Один голос мужской, раздраженный и, кажется, знакомый, другой женский, Тамара его еще не слышала. Его хозяйка, напротив, говорила спокойно, даже как будто равнодушно.

– Она нас ужасно напугала. Спасибо, что так быстро приехали. Первый же день – и такой инцидент. Что это было?

– Лихорадка, на которую вовремя не отреагировали. Вы же помните, температура была за сорок. А она может давать и сильнейшую слабость, и обмороки, и помраченное сознание…

– Помраченное?

– Бред, галлюцинации.

– Понятно. Она поэтому убежала из здания?

– Этого я уже не могу сказать. Возможно, сначала убежала, а потом ей стало совсем плохо…

– Тамара!

Перед ней возникло лицо Озерова, взволнованное и озадаченное. Рядом с ним из пелены проступила невысокая женщина в белом халате. Врач. Тамара поняла, что все-таки расклеила тяжелые липкие веки. Что за большим окном светло. А сама она лежит на постели в комнатке с бледно-голубыми стенами.

– Как ты себя чувствуешь? – Доктор тут же шагнула к ней, внимательно заглянула в глаза, сжала пальцами запястье, чтобы нащупать пульс. Сняла с шеи фонендоскоп.

– Не знаю, я… – начала Тамара. И поморщилась, потому что слова царапали когтями ее горло, сухое и обожженное.

– Открой рот, пожалуйста. – Женщина потянулась к Тамаре со шпателем, и та послушно сделала все, что она просит. – Понятно. Ангина, – резюмировала докторша. – Я все-

таки назначу антибиотики.

Потом она попросила Озерова выйти, послушала смущенную Тамару фонендоскопом, выписала ей длинный список лекарств и процедур, дала указания вплывшей в комнату сонной медсестре.

– Ну что ж. Выздоравливай. – Она убрала ручку в карман. – Приеду к тебе завтра.

Тамара кивнула, и голова откликнулась на это небольшое движение мучительной болью.

– Лежи, отдыхай, побольше спи. Побольше пей – лучше что-нибудь горячее. Если есть не хочется – не ешь.

Сквозь полуприкрытые веки Тамара видела, как докторша забрала сумку и вышла из комнаты. Рядом засуетилась медсестра: приложила к Тамариной шее инфракрасный термометр, дала ей выпить какую-то таблетку, поставила на прикроватный столик кружку горячего чая с лимоном, включила увлажнитель воздуха, который тут же начал выпускать клубы холодного пара.

– Отдыхай пока. Потом будем горло полоскать, – сообщила медсестра с каким-то совершенно неуместным энтузиазмом и тоже вышла.

Тамара утопила голову в подушке и действительно собиралась прикорнуть. Но на пороге возник Озеров. Он протянул ей смартфон.

– Твои родители. Хотят с тобой поговорить. Я рассказал, что ты вчера заболела.

Тамара приподнялась на локте. Из смартфона доносился мамин взволнованный голос:

– Тома? Алло! Тома…

– Мам, привет, – прохрипела Тамара, прижимая трубку к уху.

– Что с тобой случилось?! Все-таки температура поднялась? Я так и знала вчера. Я же говорила, давай сходим к медсестре! Может, нам с папой приехать?

– Нет, не надо, все хорошо. Мне получше уже.

– Уверена? Я разговаривала только что с врачом, она говорит…

– Мам, нормально. Меня лечат. Ну ничего такого, честно.

– Ладно. Я буду звонить несколько раз в день, узнавать, как у тебя дела. Кстати, что с твоим телефоном?

– С телефоном? – Тамара обшарила взглядом комнату, но ее вещей нигде не было. Только сейчас она поняла, что одета в белую хлопковую ночнушку в цветочек, на полу стоят одноразовые тапочки, как в отелях, а ее платье, кроссовки, колготки и телефон бесследно исчезли.

– Да. Мы пытались сегодня утром тебе дозвониться, но не смогли. Говорят, что абонент недоступен.

Тамара прикрыла глаза, пытаясь вспомнить. Вспышка, треск. Руки ползают по каменному полу, но ничего не находят. Дальше – темнота.

– Мам, прости, я, кажется, его потеряла.

На том конце раздался вздох.

– Ладно. Закажу тебе новый, а пока буду звонить в школу.

– Спасибо…

– Все, спи. И если у тебя что-то заболит или станет хуже, обязательно говори медсестре, хорошо?

– Да, да… Пока, мам.

Она передала смартфон Озерову, который на время разговора тактично вышел из комнаты и смотрел в окно в коридоре, а теперь вернулся.

– Ты заставила нас поволноваться. – Он опустился в кресло напротив ее кровати.

Упрека в голосе не было, но Тамара все равно насторожилась.

– Простите.

– Когда все стали расходиться по комнатам, учителя пошли вас проверять и поняли, что тебя нет. Мы обыскали все три этажа, подключили охрану. Но обнаружили тебя только под утро. В лесу, за зданием. Зачем ты туда пошла?

– Я не… Я не ходила! – Тамара, потрясенная, села на кровати.

– Но ты была именно там. Без сознания. – Озеров несколько мгновений разглядывал ее лицо. Потом спросил: – Ты, случайно, не ходишь во сне? Не лунатишь?

– Нет… То есть раньше такого не было…

– Ладно. А что вообще вчера случилось? Ты убежала из гостиной, а потом? Куда ты пошла?

Тамара наморщила лоб, и это движение мгновенно напол-

нило черепную коробку противной тянущей болью. Вопрос Озерова застал ее врасплох. И правда: где же она была? Вот она вылетела из гостиной. Вот решила искать медсестру и спустилась по лестнице. Вот лунный свет заливает холл и нежно касается черных крыльев ангела под лестницей. Потом пустой коридор и двери, двери… За одной из них… Плач? Крик? Мяуканье? На этом моменте Тамарины мысли и воспоминания начал заполнять густой жаркий туман. Она с трудом смогла выдернуть из него собственные ноги, спускающиеся по ступенькам, потом что-то большое и черное… Котел! И наконец маленькую дверку, за которой начиналась темнота. А дальше только вспышки фонарика, шелест книжных страниц, лязг открывающегося замка и бьющий в нос гнилой запах.

– Я…

Озеров смотрел на нее выжидающе, и Тамара чувствовала, что должна хоть что-то ответить.

– Я, кажется, спустилась в подвал. И заблудилась. Извините.

– В подвал? – Директор вскинул брови.

– Да. Там, где большой котел и за ним дверь. А дальше лестница вниз, очень глубоко. И потом вроде… Какие-то коридоры. И винные бочки. И книги. И еще одна дверь… – Тамара замолчала, увидев, как изменилось лицо Озерова. Он смотрел на нее с нешуточной тревогой – как на нездорового человека, который бредит.

– Тебе же мерили температуру? – осторожно спросил он.

– Медсестра сказала, что нормальная.

– Нужно померить еще раз. Я скажу.

– Зачем?

– Ты, наверное, что-то путаешь, Тамара. У нас действительно есть цокольный этаж, где раньше была котельная. Но больше никаких лестниц, коридоров и подвалов с винными бочками здесь нет.

– Как это нет? – Тамара приподнялась на локте.

– Просто нет. Я знаю каждый уголок этого здания, я платил за реставрацию и ремонт. И поверь, если бы здесь был подвал, о котором ты говоришь, я был бы в курсе.

– Нет! – Она замотала головой. – Я же видела! Я там была!

Озеров опустил взгляд, побарабанил ухоженными пальцами по колену:

– Я не сомневаюсь, что ты где-то заблудилась. И верю, что ничего плохого не хотела. Но у тебя вчера была высокая температура, ты плохо себя чувствовала. Поэтому…

– Хотите сказать, что я все выдумала?! – ощерилась Тамара. – Что это все бред и галлюцинации?

– Давай сделаем так. – Голос Озерова накатывал на нее ровными бархатными волнами. – Через пару дней, когда тебе станет получше, мы вместе спустимся в котельную и ты покажешь, где была. Если там и правда есть подвал, я позабочусь, чтобы его заперли и никто больше там не потерялся. Идет?

Тамара поджала губы и несколько секунд буравила лицо директора недоверчивым взглядом, который он стойко выдержал.

– Ладно, – наконец согласилась она.

– Ну вот и хорошо. А теперь отдыхай, не буду тебя больше тревожить. – Озеров поднялся с кресла и быстро глянул на циферблат «умных» часов. – Постарайся поспать, хорошо?

– Угу… – Тамара кивнула, положила голову на подушку и прикрыла глаза. Как директор вышел из комнаты, она уже не увидела – болезнь и лекарства мгновенно унесли ее в лабиринты беспокойных снов.

Глава 7
Книги и тучи

Узелок. Снова узелок. Сначала голубая нитка поверх белой, потом наоборот.

Тамара уютно устроилась в постели, подперев спину двумя подушками и зажав кончик браслета, над которым работала, между коленками. Оставалось сплести еще пару единорожьих голов – и он будет готов.

– Можно?

Она подняла голову. В приоткрытую дверь просунулась незнакомая голова. Желтоватые волнистые волосы, павшие жертвой обесцвечивания и прихваченные у виска нелепым бантиком в горошек. Вздернутый нос с россыпью мелких прыщиков. Большие прозрачно-серые глаза.

– Да…

– София Владимировна, – объявила незнакомка, когда в комнате оказалась не только ее голова, но и вся она целиком. – Библиотекарь. Но я отнюдь не возражаю, чтобы в неформальной обстановке, без администрации и педагогов, меня называли просто Соней.

– Э-э… Ладно. – Тамара разглядывала ее цветастый сарафан, надетый почему-то поверх толстой водолазки-лапши, и «бабушкины» туфли с потертыми носками.

– Ты ведь Тамара? – продолжала София Владимировна. – Весьма рада знакомству.

– И я тоже. – Тамара неуверенно кивнула и задумалась, с какого возраста можно работать библиотекарем. Девушке на вид было лет девятнадцать, не больше.

– Как нынче твое здоровье?

– Что? А, ну, в общем, получше…

Сегодня, на третий день болезни, Тамаре и правда стало немного легче. Горло болело не так сильно, тяжесть из головы и суставов постепенно уходила.

– Я очень рада! Что ж, раз все формальности соблюдены, озвучу цель своего визита. – Соня раскрыла папку, которую принесла с собой. – Я узнала, что ты болеешь, и предположила, что тебе наверняка скучно здесь одной. И эту скуку отлично может развеять хорошая книга. Каталог здесь не слишком впечатляющий. Но если ты захочешь, я оформлю на тебя библиотечную карточку и подберу что-то по твоему вкусу. Что ты любишь читать? Или, может, у тебя есть какие-то вопросы?

«Да, есть! – хотела сказать Тамара. – Почему ты так странно разговариваешь? „Отнюдь“, „цель своего визита“…» Но не сказала, конечно, и вместо этого покосилась на планшет, лежащий на прикроватном столике.

– Я вообще-то… – Тамара тут же осеклась, увидев, с какой надеждой Соня на нее смотрит. Ну нельзя же просто взять и напомнить ей, что любую книгу давно можно купить в ин-

тернете. – Мне нравится что-нибудь увлекательное. Детективы, триллеры, ужастики. Есть такое?

– У нас в основном классическая литература, – замялась Соня. – Но я поищу, что может тебе понравиться. Кажется, есть Дафна дю Морье. Не читала?

– А про что там?

– Молодая женщина выходит замуж за красивого и богатого вдовца, но, когда приезжает в его шикарное поместье, понимает, что там повсюду витает призрак его бывшей жены.

– Ого! Тебе бы аннотации к фильмам писать.

– Спасибо. – Соня немного смутилась.

– То есть история про призраков?

– Ну, если мы говорим в метафорическом смысле… Она про дом, который так и остался… Ой, если расскажу, будет потом неинтересно.

– Да, не люблю спойлеры. Но знаешь…

Тамара поежилась. Воспоминания о недавней ночи в подвале с каждым днем теряли объем и цвет и уже больше напоминали сон, который казался страшным и реалистичным, но в утреннем свете предстал как неуклюжая подделка настоящего кошмара. Ожидание: монстр со стекающими с клыков каплями крови или призрак со свернутой шеей и волочащимися вслед за ним внутренностями. Реальность: нелепая детская аппликация из смазанных фотографий подвала. Может, Озеров и врач правы? Может, это все ее температура? Она загуглила: с такой лихорадкой у людей и правда иногда слу-

чаются и бред, и галлюцинации. И все равно маленькая тревожная птичка, которая пряталась у нее за желудком, беспокойно зашевелилась, когда Тамара подумала о темных старинных особняках, наполненных призраками, даже метафорическими…

– А еще есть что-нибудь интересное?

– Ну, у Дафны дю Морье есть еще рассказы. Есть несколько романов Агаты Кристи. А еще «Призрак дома на холме» и «Мы живем в замке» Ширли Джексон…

– И там тоже про дома?

– Во многих страшных историях действие происходит в доме. Потому что дом – это оплот надежности, безопасности и уюта, и когда он перестает выполнять свои функции и превращается в кошмар – это очень пугающе. Нет ничего страшнее, чем когда человек не чувствует себя в безопасности даже в собственном доме…

Соня поправила очки и посмотрела на Тамару выжидающе.

– Да уж. Но я… Принеси мне, пожалуйста, что-нибудь на свой вкус. Все равно еще несколько дней тут лежать. У всех уже уроки, а я в изоляторе. Просто восхитительно!

– Не вздумай расстраиваться! – покачала головой Соня. – Ничего судьбоносного ты не пропускаешь, в основном ознакомительные встречи. Я пропустила почти две недели, когда начала учиться в библиотечном техникуме, и наверстала тем не менее довольно быстро.

– Понятно. – Тамара расправила нитки на браслете с единорогами. – Интересно учиться на библиотекаря? Что вам там рассказывают? Как расставлять книги на полке? – Она хихикнула и тут же осеклась. Ну вот, опять сморозила обидную глупость. Спасибо, что не спросила, зачем вообще нужно ходить в библиотеку, если все книги есть на расстоянии пары свайпов по экрану.

– Да, – кивнула Соня, и Тамара выдохнула с облегчением: не обиделась. – Рассказывают. Если книги расставлены правильно, читателю или библиотекарю будет проще найти нужную. Но это в любом случае только начало моего пути, а не то, к чему я стремлюсь. У меня большие планы!

Тамару даже немного смутило воодушевление, с которым девушка все это произнесла.

– Тогда почему пошла учиться на библиотекаря?

– Просто… – Соня задумалась. – Я решила, что расставлять книги – это лучше, чем еще два года терпеть общество моих одноклассников. У книг, по крайней мере, точно есть чему поучиться.

Тамара расхохоталась:

– У нас с тобой, случайно, не одни и те же одноклассники?

– Они почти везде одинаковые, – улыбнулась Соня.

За дверью затарахтело, и через полминуты в палате появилась буфетчица с тележкой, на которой стоял Тамарин обед, прикрытый белым полотенцем.

– Я принесу тебе книги. – Соня прижалась к стене, про-

пуская женщину. – Сегодня вечером или завтра утром. Выздоравливай!

– Спасибо… – Тамара проследила, как пушистое облако сухих, плохо покрашенных волос исчезло за дверью.

– Смотрю, тебя вовсю навещают! – улыбнулась буфетчица, расставляя тарелки на прикроватном столике. – Это хорошо!

– Да… – протянула Тамара. И тут же спрятала лицо в кружке с чаем – потому что за все два дня ее вообще-то никто, кроме Сони и Озерова, не навестил.

* * *

Тамара боялась, что лежать в постели целую неделю окажется страшно скучно. Но когда неделя – а точнее, восемь дней – подошла к концу и врач, которую вызвали к ней из Калининграда, сказала, что она здорова и может ходить на уроки, Тамара подумала, что неплохо было бы снова подхватить какой-нибудь вирус.

Куда лучше спрятаться тут, в маленькой светлой палате, читать книги, которые принесла Соня («Ребекка», кстати, оказалась очень даже ничего), слушать в планшете музыку, плести браслеты или просто смотреть, как желтеют за окном листья, чем… Чем снова идти в класс, который тебя, наверное, ненавидит. Или как минимум считает абсолютно двинутой. Потому что сначала ты назвала их ущербными, потом

сбежала и, наконец, забралась в лес, где тебя искали до самого утра. Чудесное начало чудесного учебного года. Просто восхитительно!

Восьмую ночь Тамара провела уже у себя в спальне, куда поднялась поздно вечером, тихонько и почти не дыша – надеясь, что никто не решит прогуляться по коридору или выглянуть из двери. Ангел с черными крыльями провожал ее печальным взглядом. «Интересно, – подумала Тамара, – ангел в женском роде – это что? Ангелица? Ангела? Ангелика?»

Когда она лежала в постели и старалась спрятать под легким, но теплым одеялом копошащуюся внутри тревогу перед завтрашним днем, тишину спальни царапнул тихий лязг. Потом шелест. Тамара высунулась из постели, оглядела погруженную в темноту комнату. Бросила взгляд на полосу блеклого света, которая протиснулась из-за шторы и растянулась на полу. На мгновение полоса померкла, смешалась с темнотой – будто снаружи что-то заслонило ей вход. Что-то достаточно большое, чтобы закрыть собой все окно сверху донизу. Окно на третьем этаже, до которого от земли метров восемь, не меньше.

Тамара сжалась. И через мгновение обмякла. Полоса света снова лежала на ковре как ни в чем не бывало. Тучи. Тучи закрыли луну, обычное дело. Тамара повернулась к стене, закрыла глаза и пошла по зыбкой дорожке, ведущей в сон.

Глава 8
Здесь ничего нет

Перо. Еще перо. И еще одно. В столовой Тамара оказалась одной из первых. За старшим столом никого, кроме нее, не было, и, чтобы убить время, она раскрыла чистую тетрадь, которую принесла с собой, и принялась выводить на полях узоры. Сначала штриховала клеточки в шахматном порядке, потом рисовала цветочки и завитушки. Когда до ее слуха донеслись шаги нескольких пар ног, половина страницы оказалась изрисована маленькими черными перышками.

– Привет! – выпалила Тамара и тут же поморщилась оттого, как заискивающе это прозвучало.

В дверях, скользя по ней изучающим взглядом, стояла Лера. Как всегда, безупречно одетая: юбка-карандаш, белые колготки, блузка с рукавами-фонариками. Из-за ее плеча показалась Поля.

– Доброе утро. – Лера холодно кивнула и направилась к столу. Села на противоположном конце от Тамары, а не рядом, как в прошлый раз. Налила себе воды из кувшина. Раскрыла похожий на журнал учебник английского и побежала глазами по страницам.

Тамара с надеждой посмотрела на Полину. Та шагнула к столу, постояла в сомнениях, нервно повела плечами, натя-

нула рукава кофты на ладони и все же уселась рядом с Лерой. Так же поступила и Нина, которая появилась через пару минут. Тамара осталась сидеть на своей половине стола одна. Щеки обдало жаром. Все как обычно. Ее игнорируют. Сейчас начнут шептаться, потом пойдут шуточки, насмешливые взгляды, взрывы хохота в ответ на ее попытки огрызнуться. Она, конечно, в долгу не останется и найдет что ответить, и тогда «ну что такого, мы же просто шутим» перейдет в настоящую войну, в которой никто никого не жалеет.

С чего все началось в лицее? Точно, с актерского мастерства. Они собирались ставить спектакль – а как иначе, это ведь был творческий класс, – и на сцене в качестве декораций стояли большие белые фигуры из гипсокартона. Парни прикалывались на перемене, таскали их туда-сюда, лежали на них, болтая ногами. Потом один из них, Кирилл, пошептался о чем-то со старостой класса Викой, поднял большой куб и поднес его к стоявшей в отдалении Тамаре, так чтобы фигура оказалась на уровне ее головы. Вика, которая с первого же дня ее невзлюбила, прыснула:

– Вот это сходство! Зачем нам реквизит, если есть Тамара?

Класс на секунду замер в недоумении, а потом десять голосов взорвались издевательским смехом. Парни, надув щеки, расставив руки и согнув их в локтях, принялись изображать кубы. Кто-то спросил:

– Давно хотел узнать, твои родители, случайно, не чело-

вечки из лего?

Тамара тогда раскрыла рот, попятилась, обливаясь ненавистью к своему квадратному щекастому лицу с выступающими углами нижней челюсти, к широкой угловатой фигуре, к резким, неуклюжим движениям. Она не нашлась сразу, что ответить, потому что Вика попала точно в цель, в одно из тех нежных, мягких, розовых мест, которое зияло между пластинами в ее броне.

Именно из-за своих щек она никогда не собирала волосы и вечно носила их спадающими на лицо и немного растрепанными. Именно из-за талии, вернее, ее отсутствия, мама покупала ей платья-трапеции, свободные рубашки, туники и свитшоты. Может, если бы она тогда ответила, смогла поставить Вику на место, отношения с одноклассниками выстроились бы совсем по-другому. Но она задохнулась от боли и паники – и получила новое прозвище: Куб.

Вроде бы ничего такого уж обидного. Это даже не оскорбление – так сказали и классная руководительница, и завуч, когда мама, узнав обо всем через пару месяцев, пришла в школу. Но все эти «кубические» шуточки – а их оказалось очень много, что поделать, творческий класс, – делали невыносимой каждую минуту, что Тамара проводила в лицее. Из спектакля она ушла почти сразу. У нее и так не особенно получалось, а теперь хихиканья, переглядки и многозначительные взгляды обмотали ее, словно колючая проволока. Потом настал черед рисования. В этом Тамара тоже была не масте-

рица, к тому же и тут ее преследовали кубы и параллелепипеды: учительница иногда доставала их из шкафчика со стеклянными дверцами, чтобы класс мог поработать с разными тенями, объемами и поверхностями. С геометрии уйти нельзя было никак, и там фигуры, топорщась углами, смотрели на Тамару с плакатов и страниц учебников.

– Как найти объем Тамары… Ой, то есть куба? – зачитывал кто-нибудь из парней. – Нужно умножить длину Тамары на ее высоту и ширину. Блин, опять перепутал. Не Тамары, а куба.

Когда Кирилл после такой реплики подошел к ней с большой пластиковой линейкой, чтобы измерить ее ширину, Тамара ударила его по руке. Ее отвели к директору, а к прозвищу Куб добавилось новое – «ненормальная». Вернее, слово там было другое, куда менее цензурное, и поэтому произносилось оно всегда сквозь зубы – так, чтобы учителя не услышали. Когда Тамара повторила его завучу, тот нахмурился, попросил не материться в школе и заявил, что его ученики такого сказать не могли.

В лицее Тамара продержалась полгода. В следующей школе – всего три месяца, потому что решила пойти на опережение и почти сразу стала игнорировать домашние задания, играть в молчанку на уроках. А что толку стараться, если и так было понятно: все закончится плохо. Сначала она в первый же день ляпнула эту глупость про прыщи и тональник. Потом на географии нагородила какую-то чушь, потому что

не выучила параграф. И наконец, споткнулась об ножку парты, когда шла к своему месту, и растянулась на полу перед всем классом. На следующий день ее и тут наградили прозвищем: Кря. Потому что по ее ярко-голубым трусам, которые все увидели под юбкой во время падения, плыли десятка два радостных желтых уточек.

Интересно, гадала Тамара, когда родителям придется забирать ее из «Мастерской»? Через месяц? Через две недели? В любом случае это будет новый антирекорд.

– Доброе утро, Артем! – Радостное щебетание Леры выдернуло Тамару из ее мрачных размышлений.

Она подняла глаза. Парень небрежно кивнул Лере и, сунув руки в карманы, пошел к столу. Выдвинул стул – ножки мерзко скрипнули по полу – и уселся напротив Тамары, откинувшись на спинку. Тамара почувствовала, как ее царапнул недобрый взгляд Леры. Потом «мисс мира» поерзала на месте, украдкой открыла фронтальную камеру в смартфоне, пригладила, смотрясь в экран, зеркально-гладкие волосы.

– Выздоровела?

Тамара вздрогнула: Артем, чуть прищурившись, смотрел ей в лицо. Прямой, беспардонный, изучающий взгляд.

– Да, спасибо. – Она опустила глаза и собрала со стола невидимые соринки.

– А что вообще случилось? И как там тебя… Марина?

– Тамара. – Она почувствовала, что начинает краснеть.

– Окей, Тамара. Так ты что, пыталась сбежать и потеря-

лась здесь в трех соснах? Топографический кретинизм, как у всех баб?

На другом конце стола хихикнула Лера. Тамара подняла глаза на Артема и встретила его издевательский взгляд.

– Ничего подобного.

– А что тогда? Тут из-за тебя такой кипеж поднялся…

– В подвал спустилась и выход не нашла, – пробормотала Тамара, уже зная, что зря это сказала.

– Что-о-о? – хохотнул Артем. – Блин, все еще хуже, чем я думал. Совсем тупая.

– Да пошел ты! – Тамара, заливаясь краской, вскочила с места.

– Доброе утро!

Бархатный голос Озерова заставил всех обернуться. Он стоял в дверях, сунув руки в задние карманы песочных брюк и быстро оценивая обстановку.

– Тамара, рад, что ты снова с нами. Как себя чувствуешь?

– Хорошо, спасибо. Я…

– Да, я помню. – Директор словно прочитал ее мысли. – Мы с тобой говорили, что поищем вместе вход в подвал, в котором ты потерялась. Сходим туда после завтрака, хорошо? Ты мне очень поможешь: безопасность учеников – это одна из основных задач «Мастерской».

– Конечно! – Тамара с энтузиазмом кивнула, бросила торжествующий взгляд сначала на Артема, потом на Леру и уселась обратно.

Артем только усмехнулся, сунул в уши эйрподс и уставился в смартфон. До Тамары донеслись обрывки гитарных рифов, переплетенные с громким, почти кричащим, мужским голосом.

За завтраком она почти ничего не ела, только расковыряла один «глаз» яичницы и пару раз откусила от хрустящего круассана, запивая его крепким чаем. Не терпелось поскорее спуститься в старую котельную, найти маленькую дверку и… Нет, возвращаться туда Тамаре не хотелось. Стоило ей об этом подумать, как сырая подвижная темнота обволокла ее, окружила шорохами, всхлипами, скрипом несмазанных петель, лязгом металла, запахом плесени и гниющего мяса. Но ей ведь достаточно будет просто показать вход в это место, чтобы все увидели, что она не бредит, что она не тупая и никакого топографического кретинизма у нее нет. Чтобы посмотреть на рожу Артема: он-то побоялся бы туда спускаться, придурок несчастный.

Поэтому, когда Озеров поднялся из-за учительского стола, отложил салфетку и поблагодарил всех за вкусный завтрак, Тамара тоже вскочила и посмотрела на директора выжидающе.

– Пойдем! – Он поманил ее за собой. – Как раз успеем все проверить перед уроками.

Лера, Артем и остальные потянулись следом. И администратор Марина тоже. И Наталья Федоровна, воспитательница младшего отделения. И еще какая-то незнакомая Тама-

ре женщина с приятным круглым лицом и аккуратной блондинистой стрижкой – перед тем как выйти из столовой, она на пару мгновений отвела в сторону Полю, что-то с улыбкой проговорила ей и похлопала по плечу.

Тамара вместе с Озеровым оказалась во главе небольшой процессии. Они спустились на первый этаж, оттуда свернули направо, прошли по коридору, остановились у двери без опознавательных знаков. На этот раз она была закрыта. Директор вытащил из кармана ключи.

– Та-ак…

Замок щелкнул. За спиной взволнованная Тамара уловила перешептывания. Ну сейчас они увидят. Пусть сначала следят за своими подвалами, а потом обвиняют ее в том, что она тупая и вообще поймала галлюцинацию.

– Это здесь? – Озеров распахнул дверь и пропустил Тамару вперед.

Из окошек под потолком сочился утренний свет, и в его дымке котельная уже не выглядела такой зловещей, как тогда, поздно вечером. Просто заброшенное техническое помещение. Ржавые трубы. Котел с облупившейся местами краской. Ветхие тряпки и ящики в углу. На полу что-то вроде древесной пыли.

– Да! – Тамара уверенно сошла по лестнице и направилась к котлу.

Остальные двинулись за ней.

– Осторожнее! – предупредил Озеров. – Здесь все очень

старое. Это котел прошлого века, им давно не пользовались, лучше ничего не трогать…

Под подошвой хрустнуло. Тамара посмотрела – крошечный винтик – и приблизилась к котлу.

– Тут! – Она победоносно указала на дверку. Обернулась, чтобы взглянуть на вытянувшиеся лица Леры и Артема. Едва сдержала улыбку.

Директор озабоченно кивнул, потянул за ручку двери. Она не открылась.

– Надо чуть сильнее! – Тамара тоже схватилась за ручку. – Она не то заржавела, не то присохла…

Пятки, как в прошлый раз, уперлись в пол, пальцы со всей силы потянули дверь на себя. Лязг, скрип, треск: дверь распахнулась, и оттуда хлынула темнота.

– Это здесь! – воскликнула Тамара и отступила немного, позволяя всем убедиться, что она была права.

Но в следующее мгновение ноги у нее обмякли, уголки губ поползли вниз, а за солнечным сплетением начал растекаться холод. Озеров сунул руку за дверь, пошарил по стене и щелкнул выключателем. Вспыхнула лампочка – и залила тусклым светом серые стены из неотесанного дерева, три старые швабры, поставленные одно на другое жестяные ведра, груду коробок, бутылки с чистящими средствами и прочий хлам. Подсобка. Самая обычная крохотная подсобка, куда в беспорядке скидывают инвентарь для уборки, ящики с инструментами и другие вещи, важные и не очень.

Никаких лестниц, уходящих к ядру Земли. Никаких темных коридоров. Никаких дверей, шорохов и запахов.

– Офигеть! – рассмеялся за спиной Артем. – То есть она заблудилась в кладовке?

– Я не понимаю… – пробормотала Тамара. – Тут же было…

– Может, есть другая дверь? – заботливо уточнил Озеров.

Она отступила на шаг, обшаривая стены и пол затуманившимся от подступающих слез взглядом. Метнулась в одну сторону, потом в другую. Зацепилась ногой за какую-то тряпку, потеряла равновесие и растянулась бы на грязном полу, если бы директор не подхватил ее под локоть. Очень вовремя: на этот раз трусы у нее были с принцессой Пупыркой, и Тамаре очень не хотелось, чтобы это стало ее вторым именем.

– Капец телки тупые, – тихонько фыркнул Артем.

– Не все, – заигрывающе пропела Лера и расцвела, удостоившись его оценивающего взгляда.

– Артем, спокойнее, – вмешался Озеров. Его ладонь осторожно легла на плечо Тамаре. – С тобой все хорошо? – Он немного наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза.

Тамара убрала волосы с лица, неопределенно мотнула головой и ответила срывающимся голосом:

– Я точно тут была, и тут точно…

– Послушай. – Директор обхватил ее за оба плеча. – Тебя никто не осуждает. – Он метнул укоризненный взгляд на Ар-

тема и девочек. – Ты очень плохо себя чувствовала и могла что-то перепутать, как я и говорил. Может, ты потеряла сознание или тебе привиделось… Из-за высокой температуры такое бывает. Главное, что мы во всем разобрались, правда?

Тамара кивнула. Предательские слезы все-таки подкатили к глазам, защипали кончик носа.

– Все это вообще неудивительно, – продолжал Озеров, – если вспомнить, через что ты прошла в предыдущих школах. Вся эта травля, непонимание, а потом история с поджогом…

Тамара вздрогнула и краем глаза увидела, как переглянулись, вскинув брови, ее одноклассники. Нет-нет, не надо! Но директор, к счастью, закончил:

– Как ты сейчас? Готова пойти на занятия или сегодня еще отдохнешь?

– Готова, – едва слышно пробормотала Тамара.

Важно было показать, что ее эта история не задела. Что все нормально и она не чувствует себя никчемной тупицей, которая нагородила чуши и сбила всех с толку. Поэтому Тамара вздохнула, подняла подбородок и, ни на кого не глядя, поплелась на уроки.

Глава 9
Поехавшая

Кто-то тихонько скребся в дверь, и этот рваный царапающий звук заставил Тамару приоткрыть один глаз. Нет, не в дверь, через мгновение поняла она. Звук доносится сверху, с потолка.

Скр-р-скр-р…

Потом шорох, будто кто-то тяжело волочит ноги в старых тапочках.

Ш-ш-шв, ш-ш-шв…

Затем глухой стук. И снова *скр-р…* Тамара отбросила волосы с лица, приподнялась на локте и заморгала. Сердце забилось чаще, его перестук волной прокатился по телу. Что это? Она впилась взглядом в потолок. Кто-то ходит наверху? Царапает пол? Тащит за собой что-то тяжелое?

В следующее мгновение Тамара с шумным выдохом откинулась на подушку. Ее комната на последнем этаже. Наверху только крыша. Ну кто может по ней ходить? Птицы? Да, какие-нибудь вороны или голуби. Которые клацают сейчас по металлическим пластинам своими маленькими когтистыми лапками.

Тамара вспомнила лето, которое провела однажды в гостях у своей подруги Милы – точнее, у ее бабушки. Старый

деревянный домик, утопающий в зелени яблонь и слив, заросшие садовые дорожки, узорчатый тюль, который ветер выдувает из окон веранды… И птичьи шаги над головой. Они с Милой спали под самой крышей и слышали, как стучит дождь, как гладят жестяные пластины раскидистые ветви садовых деревьев, как топчутся по ним голуби. Сначала это даже пугало, но через неделю Тамара уже привыкла и перестала обращать внимание.

Она снова легла, завернулась в новенькое одеяло и прикрыла глаза, вспоминая, как они с Милой ходили купаться на озеро, как прыгали в воду с тарзанки, читали, лежа на траве возле дома и обдирая спелую смородину с кустов, – на страницах потом оставались розовые пятна. Как исколесили на старых дребезжащих велосипедах всю округу, как заблудились в лесу, как пытались подначить друг друга зайти ночью в сгоревший и давно не жилой дом на краю деревни: пустые глазницы окон, провалившееся крыльцо, заросший вход… Тогда родители Тамары работали, как они говорили, «на дядю», выплачивали ипотеку и на полноценный семейный отпуск наскрести не смогли, так что, когда мама Милы предложила девочкам вдвоем отправиться в деревню к Милиной бабушке, с радостью согласились.

Тамара вздохнула: сейчас ее родители сами стали теми «дядями», на которых работают другие, и запросто могут поехать в хороший пятизвездочный отель на береговой линии. А Милы в ее жизни больше нет. И деревенского дома со смо-

родиновыми кустами. И первой школы, где она проучилась шесть лет, – самой обычной, районной. Которая не способна была дать Тамаре индивидуальный подход и раскрыть ее потенциал.

«А что, если его нет? Нет никакого потенциала, никаких способностей, ничего, что можно раскрыть? Что, если я просто бездарная? И зря занимаю место в „Мастерской“?»

Эта мысль жужжала у нее в голове тихим настойчивым писком, но впервые прозвучала так отчетливо. Тамаре захотелось спрятаться от нее под одеяло, срочно сунуть в уши гремящие музыкой наушники, занять руки плетением, зарыться в соцсети, лишь бы только ничего не слышать, не думать об этом сейчас. Не представлять, как мама, поджав губы, будет беспомощно смотреть на растерянного папу, словно пытаясь сказать: «Ну и что нам теперь делать? Мы столько сил в нее вложили! На что она вообще годится?»

Нет, здесь от таких мыслей не спрячешься. Тамара посмотрела на светящийся циферблат часов: через полчаса начнется завтрак, а потом уроки. Вчера, после того, что случилось в котельной, она на уроках уже побывала. И пока не поняла, чем они так уж сильно отличаются от занятий в лицее. Только тем, что в классе пять человек, парты стоят кружком, а на некоторых уроках и вовсе никаких парт нет – вместо них уютные кресла, разноцветные мешки и все в таком духе. Ну и еще тем, что учителя пытались вести себя дружелюбно, а не забираться на высокую невидимую трибу-

ну и смотреть оттуда на класс как на сборище жалких глистов, которые мешают им жить. А больше никаких особых отличий не было. Ну школа. Ну занятия – такие же, как везде. Зачем выдумывать себе такое пафосное название – «Мастерская дизайна личности»?

Тамара уже оделась и раздраженно водила расческой по растрепанным, как всегда, волосам, когда на пороге ни с того ни с сего появилась администратор Марина. То есть сначала постучала, конечно, спросила разрешения заглянуть и только потом появилась – во плоти и, как обычно, с безупречным макияжем.

– Спустись, пожалуйста, в холл, там тебе кое-что привезли.

Тамара озадаченно пошла за ней по лестнице. В холле было сумрачно, свет, словно прошедший через серую вуаль, укрывал пол и лестницу. Дождевые капли шлепались о стекла, оставляя на них тоненькие водяные дорожки. У дверей ждал невысокий мужчина в темно-зеленой куртке с логотипом транспортной компании.

– Это вы Колокольцева Тамара Сергеевна? – подозрительно уточнил он.

– Могу паспорт принести, он наверху… – Тамара зацепилась взглядом за небольшую белую коробку с серебристыми буквами, которую мужчина держал в руках. Мама заказала новый айфон!

Курьер посмотрел на высокую лестницу и покачал голо-

вой:

– Ладно, верю. А то это надолго, а я вообще сюда ехать не хотел.

– Почему? – Тамара взяла из его рук планшет с бумагой и ручку.

– Да… – Мужчина замялся. – Мне тетя рассказывала… Работала здесь в девяностых. Плохое место. Она говорит, ни за какие деньги бы не вернулась. Не знаю, зачем они людей сюда поселили. Тем более детей…

Он ткнул пальцем в ту строчку, где нужно было оставить свою подпись. Тамара вывела буквы «Т» и «К», обвела их кружком и протянула бумаги обратно.

– Но… Что тут случилось?

Курьер вручил ей коробку:

– Разное рассказывают. Но я бы на месте твоих родителей тебя отсюда забрал.

Он прицепил ручку к нагрудному карману, открыл дверь и поспешно нырнул под моросящий дождь. Тамара в полном недоумении смотрела, как он пробежал по гравийной дорожке, сел в зеленую машину с небольшим кузовом и через мгновение уже сорвался с места.

Обдумать его слова как следует она не успела. В ее поле зрения появилась тоненькая фигурка в красивом темно-лиловом спортивном костюме. Через огромное окно было видно, как она бежит по правому берегу озера, постепенно замедляясь и переходя на шаг. Когда бегунья подошла к школе

поближе и стянула с головы капюшон, из которого вывалился длинный золотисто-русый конский хвост, Тамара узнала Леру.

«Она вообще человек? Встать в такую рань и выйти бегать под дождь. Это кем надо быть?!» И следом за первой потянулась другая мысль, чужая, незнакомая: «Схватить бы эту самодовольную тварь за ее хвост, намотать его на руку и бить ее рожей об стену до тех пор, пока она не превратится в кровавую кашу».

Тамару затошнило. Потом накрыло волной ужаса. Затем стыдом. Она отвернулась от окна, закрыла рот ладонью и никак не отреагировала на подчеркнуто вежливое «Привет!», которое бросила ей, зайдя в здание, Лера. Просто побоялась, что, если откроет рот, из него вывалится вчерашний ужин. В голове эхом звучала только что возникшая мысль, и мозг услужливо сгенерировал картинку: Лера с залитым кровью разбитым лицом лежит на ступеньках и просит о помощи. На то, чтобы заставить ее потускнеть, ушло около минуты. Настоящая Лера к тому моменту уже поднялась на второй этаж, оставив на полу и на ступеньках влажные следы. Тамара несколько раз глубоко вдохнула, потом выдохнула.

– Тебе нехорошо? – Рядом появилась Марина.

– Все нормально. Немного голова закружилась. Наверное, от голода…

– До завтрака подождешь или принести тебе что-нибудь?

– Подожду. Он же скоро…

– Ну смотри… Я могу сходить на кухню. Или медсестру позвать, она тебе давление измерит…

– Нет, спасибо… – Тамара, которой почти удалось справиться с приступом тошноты, покачала головой и поплелась обратно в свою комнату.

Что это было такое? Что это, черт возьми, за бред? Нет, она, конечно, и раньше воображала, как мстит одноклассникам, которые плохо к ней относились. Но обычно под местью подразумевались острые и хлесткие ответы, из-за которых над обидчиком все будут смеяться, или сложные интриги, которые выставят его в плохом свете перед учителями. Такого, как сегодня, она не воображала еще никогда. Кровь, разбитые багровые губы, глухой стук ударов, треск ломающейся кости, крики… Тем более Лера еще не успела сделать ей ничего плохого. Ну подтявкивала немного этому ушибленному Артему, и на этом все.

Тамара в итоге остановилась на не слишком убедительной, но такой удобной мысли: она просто устала. Замучилась за последние полтора года. Две школы, два исключения, учеба дома на дистанционке, приезд сюда, потом эта история с подвалом, болезнь… Ничего удивительного, что в голову лезет всякая чушь.

Опустившись на кровать, Тамара посмотрела наконец на подарок от родителей: новый айфон и новая сим-карта взамен потерянных. Она вскрыла коробку, погладила корпус, вставила симку в слот и, дождавшись, пока смартфон вклю-

чится, ввела эппл-айди. Вообще, конечно, странно: куда все-таки мог пропасть ее предыдущий айфон? В котельной его не оказалось, никто в школе его не находил. В ушах до сих пор звучал треск, с которым он упал, – явно на твердый пол.

Тамара позвонила маме, поблагодарила, пообещала быть на связи, заверила, что у нее все в порядке. «Конечно, в порядке, да. Не считая того, что у меня были нефиговые такие глюки, в которых я бродила по подземелью, и того, что я опозорилась перед новым классом, а теперь представляю себе, как изобью до смерти одну девчонку».

Вниз Тамара поплелась неохотно. Что ей там делать? Класс считает ее психованной врушкой, которая пытается привлечь к себе внимание, – примерно так Нина вчера сказала Полине, когда думала, что Тамара ее не слышит. С уроками тоже не ладится: она вчера наделала кучу грамматических ошибок в английском, не попадала в ноты на пении, неправильно решила уравнение на алгебре, а на вопросы психологического теста и вовсе не стала отвечать. Кажется, сегодня ее ждал такой же бесславный день. И завтра тоже. И послезавтра.

* * *

На литературе было терпимо. Правда, обсуждали «Петербургские повести» Гоголя, и от всех этих носов, бегающих самостоятельно по городу, и преступников, коварно отнима-

ющих у главного героя шинель, Тамаре стало немного не по себе. Вторым уроком был русский, который тоже прошел без приключений: Тамара просто тихонько отсиделась на своей крайней парте, тихонько сдала самостоятельную работу на написание предлогов «пре» и «при» и вышла в коридор на перемену. И там, пряча усмешку за учебником литературы, она наблюдала, как Лера, которая уже переоделась из спортивного костюма в очередной безупречный наряд американской школьницы, бросает на Артема, уткнувшегося в свой смартфон, загадочные взгляды и то и дело теребит глянцевую прядь. И как этот кретин вообще может нравиться?

На английском Лера весь урок едва не выпрыгивала из-за парты и рвалась вставлять реплики где надо и где не надо. Она гордо сообщила, что традиции нужно уважать и мужчина должен быть добытчиком, а женщина – хранительницей очага. И что в ее семье именно так и поступают. Мама у нее – истинная женщина, очень образованная и мудрая, которая не стала никому ничего доказывать и ни с кем соревноваться, а просто направила все свои силы и таланты на семью.

Тамара хотела язвительно поинтересоваться, зачем тогда Лере три языка, танцы, рисование, музыка и спорт, если она в итоге собирается просто найти мужа и «посвятить себя семье»? Она в очередной раз заметила, что Артем осторожно, так, чтобы это не сильно бросалось в глаза, поглядывал на Леру: вроде как сидел, закинув лодыжку на колено, и лениво перелистывал учебник, не принимая участия в дискуссии, но

при этом нет-нет да и метал быстрый взгляд в сторону Чистовой. Тамаре хотелось закатить глаза так, чтобы они смотрели на ее собственный мозг, а не на эту зазнавшуюся девчонку: она уже сбилась со счета, сколько раз Лера произнесла absolutely, completely и totally. Надо было назвать Чистову не «мисс мира», а «мисс разумеется» или «мисс абсолютно».

Тамара почти усмехнулась про себя, но перед ее глазами снова красной пеленой появилась утренняя картина. Та самая, где Лера лежит на каменных ступеньках крыльца, и лица, вот этого хорошенького и надменного личика, у нее больше нет, и трещины между камнями уже стали багровыми. Тамара с силой зажмурилась, для верности еще надавила нижней частью ладоней на глазные яблоки, лишь бы выдавить у себя из головы эту картину.

– Are you ok? – спросила встревоженная учительница.

Все тут же повернулись к Тамаре. Та отняла руки от покрасневших глаз, тряхнула головой, пробормотала, что с ней все хорошо, и приклеила взгляд к расплывающейся странице учебника. Великолепно. Она только что закрепила лишний раз свою репутацию поехавшей.

Глава 10
Так говорил Заратустра

После обеда Тамара не стала сиротливо подпирать поясницей подоконник в коридоре, пока остальные смеются и что-то показывают друг другу в смартфонах, и решила воспользоваться перерывом, чтобы вернуть книги в библиотеку, раз уж все равно собиралась это сделать. Ну и заодно увидеть Софию Владимировну. Которая совсем не против, чтобы в неформальной обстановке ее называли просто Соней. Тамара хихикнула про себя: чудная библиотекарша чем-то ее очаровала. Да, она, конечно, немного не от мира сего… Или не немного. Но в этом они, получается, похожи. Две городские сумасшедшие. То есть школьные. Таким просто необходимо держаться вместе.

Тамара прошагала по длинному коридору через весь второй этаж, едва избежав столкновения с резвящимися пятиклашками, свернула в небольшой закуток и сунула нос в приоткрытую дверь с золотистой табличкой «Библиотека».

Ее встретили только ряды высоких темно-коричневых книжных стеллажей, пустая стойка и парочка таких же пустых парт. Тамара шагнула внутрь, огляделась. Комната оказалась совсем небольшой, сумрачной – окна были плотно зашторены – и неуютной. Книги стояли на полках свободно,

оставляя между собой темные провалы, напоминающие дырки в заборе. Или черные пустоты между зубами в чьей-то хищно открытой пасти.

– Извините… – Тамара поежилась и двинулась к единственному источнику света – небольшой настольной лампе, желтовато мерцающей за стойкой одновременно и уютно, и зловеще. – То есть извини, я… Соня, ты здесь?

Лампа освещала чашку черного глянцевого чая, от которой полупрозрачной лентой поднимался пар, и блюдце с откусанным пирожком – кажется, вишневым. Тут же лежал раскрытый учебник французского.

Рядом зашелестело, совсем тихо. Будто кто-то тихонько погладил кончиками пальцев книжные страницы, задел бумажные обои. Даже не пальцами, нет. Подолом юбки, краешком рукава, кончиком длинного пера. Тамара обернулась и не увидела ничего, кроме обычной школьной парты с двумя придвинутыми к ней стульями и бледно-зеленой стены с тонкими растительными узорами. За стеной что-то щелкнуло, потом загудело – так, что Тамара едва не подпрыгнула.

– Это все трубы. Здание, как ты знаешь, чрезвычайно старое. Здесь вечно что-нибудь шумит. – Соня вынырнула из-за стеллажей, ее большие круглые очки вспыхнули, отражая свет лампы. – Когда мы с мамой жили в Петербурге – снимали квартиру в одном старом доме, – мне иногда казалось, что этот дом с нами разговаривает. Вот в книгах любят описывать, что старинные дома скрипят, кряхтят, живут своей

жизнью. Я раньше думала, что это, вероятно, гипербола… преувеличение. А потом и сама поняла, что нет, ничуть. Старый дом – это как большой живой организм. В нем постоянно что-то происходит, но мы не всегда можем это понять…

– Уф, – выдохнула Тамара, прикладывая ладонь к груди и прикрывая глаза.

– Я тебя напугала своим неожиданным появлением? – забеспокоилась Соня. Она чуть подалась назад, свет соскользнул со стекол очков, и вместо двух пустых мерцающих кругов Тамара наконец увидела чуть покрасневшие светло-голубые глаза.

– Да нет, ничего страшного. Это у меня нервы в последнее время… шалят. Я принесла книги. – Она выложила из сумки три потрепанных тома.

– О! Тебе понравилось? Может, возьмешь что-то еще?

– Да, ничего. Хотя жутковато. – Тамара с сомнением оглядела стеллажи. – А что у тебя тут есть?

– Если быть честной, пока не очень много. – Соня поправила очки и вытащила из коробки Тамарину библиотечную карточку. Тамара успела заметить, что карточек всего две, включая ее. Да уж, негусто. – Можешь выбрать сама, что тебе больше по душе.

– А почему у тебя так темно? – проворчала Тамара, углубляясь в проход между стеллажами.

– Прости, я немного увлеклась чтением и даже как-то не обратила внимания… – Соня щелкнула выключателем, под

потолком зажглась пара ламп.

– Французский учишь? – Тамара скользила взглядом по полупустым полкам, выискивая что-нибудь интересное.

Блок, Бунин, Горький, Гюго, Диккенс, Достоевский, Дюма… Стандартный набор любой библиотеки. Большинство книг были старыми, с пожелтевшими страницами и разлохматившимися корешками. На некоторых обложках расплывались сероватые пятна, будто они долго лежали в сыром месте.

– Да, готовлюсь, раз уж есть свободное время…

– К чему?

Тамара дошла до буквы «К», наткнулась на пару книг Кинга и Агаты Кристи, повертела их в руках и поставила обратно на полки. Нет, только вот котов-зомби и хладнокровных убийц ей сейчас и не хватало. Вот бы здесь нашлось что-то из фэнтези… Что-нибудь про закрытую школу, желательно какую-нибудь волшебную, как «Дом странных детей» или «Школа добра и зла»…

– Собираюсь поступать в МГЛУ, на переводческий факультет, – помолчав немного, ответила Соня – медленно, осторожно, будто это была какая-то тайна, которую не всем можно рассказать.

– Мечтаешь переводить книги? – догадалась Тамара и выглянула из-за стеллажа, чтобы проверить, попала она в цель или нет.

– Да! – Соня просияла. Причем, можно сказать, в букваль-

ном смысле: она сейчас стояла так, что свет настольной лампы красиво обрисовывал ее беспокойные сухие пряди, разбросанные по плечам, и бледное лицо с острым подбородком и созвездием мелких красных прыщиков на лбу и щеках. – Именно! Но как же ты…

– Это было нетрудно, – самодовольно отмахнулась Тамара. – Ты такая… – Она хотела сказать «книжная гусеница», но передумала. – Ты очень любишь читать, это сразу видно.

Она сняла с полки книгу в темно-зеленой обложке – «Самые удивительные замки мира», – пролистала и решила, что если не найдет ничего лучше, то посмотрит повнимательнее.

– Да, обожаю. Поэтому всегда хотела работать с книгами – быть редактором или переводчицей. Это же удивительно – помогать рождаться на свет историям. Разве нет?

– Рождаться на свет? – Тамара призадумалась. – Получается, и редакторы, и переводчики, и корректоры – это что-то вроде книжных акушерок?

– Тамара! Изумительная метафора!

– Да брось! – Тамара дошла до конца алфавита и стояла перед полкой, на которой сиротливо выстроилось полдюжины книжек на иностранных языках. Парочка на французском и одна, кажется, на немецком.

Тамара наугад качнула на себя один из томов – черный, с вытершимися золотыми буквами, боязливо коснулась хрупких пожелтевших страниц, испещренных незнакомыми буквами. На обложке название прочесть не удалось. С первых

страниц на Тамару глядел усатый мужчина с высоким лбом. То есть смотрел он не на Тамару, а на ту часть разворота, где четким, чуть вытянутым вверх шрифтом было отпечатано: Also Sprach Zarathustra. И чуть ниже: Friedrich Nietzsche. А внизу страницы – год: 1891.

Тамара не знала немецкого, но «Фридрих Ницше» и «Заратустра», конечно, поняла сразу. И вспомнила, что жил когда-то давно такой немецкий философ и он написал книгу, которая, кажется, называлась «Что сказал Заратустра» или еще как-то так.

– «Так говорил Заратустра», – объявила возникшая рядом Соня.

«Точно!» – вспомнила Тамара. А вслух сказала:

– Она ведь, наверное, очень редкая и ценная. Откуда она тут?

– Да, очень ценная. Не знаю точно, она уже была в коробках вместе с другими книгами. Подозреваю, что это часть дома, она принадлежала первым хозяевам и каким-то образом сумела уцелеть.

– Ничего себе… – Тамара подумала, что это одновременно иронично и печально: книга сохранилась, а люди, которые когда-то ее читали, уже нет. И совершенно неизвестно, кем они были и что же с ними все-таки стало.

На сайте «Мастерской» сделали раздел об истории здания, но читать его Тамаре было скучно, она успела заметить только, что особняк построили в самом начале XX века. Не

так уж и давно. Так куда же делись предыдущие владельцы? У них должны были остаться дети, внуки, наследники… Тамара наморщила лоб. Что там говорит история? Раньше все эти земли, вся Калининградская область, были частью Германии. Калининград назывался Кенигсбергом, и там всю жизнь прожил какой-то известный философ. Кажется, Кант. У маленьких городков – Светлогорска, Зеленоградска – тоже раньше были немецкие названия. Раньше – это до войны, Второй мировой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.